

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИИ

Михаил КОТЕЛЬНИКОВ

Изъяны теоретического наследия Эдуарда Бернштейна

Имя Э. Бернштейна продолжает оставаться высокочтимым в пантеоне лидеров международной социал-демократии. Однако при этом нельзя не учитывать, что, добившись ощутимых успехов в процессе формирования гражданского общества и строительстве правового государства, современные европейские социал-демократические партии в разработке своей стратегической линии фактически зашли в тупик, утратив собственные «опознавательные знаки». То обстоятельство, что они в идейно-теоретическом измерении почти не различимы на фоне либерального мейнстрима, во многом, если не в решающей степени, и объясняется влиянием «духовного отца» ревизионизма. Вынужденный отказ от устаревшей базисной идеологической парадигмы марксизма привел к совершенно неоправданному выводу об ущербности его методологического потенциала. Причем загнивание и крушение советской, а затем и существенно подорванный авторитет российской ветви ортодоксального марксизма как главного непримиримого критика ревизионизма никоим образом не являются фактором реабилитации последнего. Из всех оценок, по мнению автора, можно согласиться лишь с той, в соответствии с которой Бернштейн сохраняет статус знаковой фигуры для обозначения одной из трех реализованных в истории главных логико-интерпретативных версий марксизма.

На протяжении своего более чем полуторавекового существования марксизм предстает в столь многоликом облачении, что проблема определения его аутентичной природы выглядит, на первый взгляд, почти неразрешимой. В самом деле, как определить, где проходит та

разграничительная линия, которая отделяет марксистов подлинных от мнимых? Ведь, как справедливо отмечает В.А. Глядков, «по существу, у каждого направления, исходящего из Маркса, был свой марксизм. Ими использовались, а точнее, выхватывались, отдельные блоки философской доктрины Маркса с учетом тех экономических и политических задач, которые стояли

перед страной, движением или социальными силами, использовавшими марксистскую традицию».¹ К этому можно было бы добавить, что представители каждого из направлений апеллировали *вразной степени* и к *разным* «составным частям» марксизма, а не только к его философским основаниям.

С другой стороны, даже обращая внимание на вполне очевидную *неадекватность* теоретической интерпретации взглядов Маркса теми, кого принято именовать марксистами, мы, тем не менее, не добьемся решающих успехов, идя по пути «освобождения» или «отсечения» его от марксизма, как предлагает, в частности, американский профессор Т Рокмор.² Он формулирует задачу «переоткрытия» Маркса за счет включения его идейно-теоретического наследия в контекст немецкой классической философии и главным образом - близости к Гегелю. При этом истоки интеллектуальной дискредитации классического марксизма Рокмор усматривает уже в непосредственном влиянии на его историческую судьбу ближайшего соратника, единомышленника и друга К. Маркса - Ф. Энгельса. Рокмор отмечает, что между ними существуют «глубокие и доказуемые различия», которые распространяются прежде всего на область философского знания. На деле, поскольку Рокмор *a priori* убежден в том, что «марксизм устарел и должен быть отброшен, он, не замечая собственной непоследовательности, редуцирует *многопорядковую* сущность учения Маркса к одной из его интерпретативных идеологических и политических версий.

Гипотетическое «освобождение» Маркса от «марксизма», за которое ратует американский марксолог, т.е. абстрактное допущение *возможностивнеидеологической* экспликации идей Маркса, является не более, чем иллюзией. Другое дело, что ограниченность идеологического «фильтра», которую невозможно «устранить» полностью, необходимо хотя бы на уровне теоретической рефлексии осознать как для реабилитации классического марксизма, так и для выработки его новой

1 Глядко В.А. Феномен марксистской философии. М., 2001. С. 145.

2 См.: Рокмор Т Об открытии Маркса после марксизма // Вопросы философии. 2000. № 4.

исторической формы. Без учета идеологической составляющей марксизм утратил бы свою важнейшую практическую, социально-преобразующую функцию и превратился бы в разновидность сугубо академического учения, как это произошло с теорией постиндустриального общества. Излишне было бы напоминать о том, что это никак не входило в планы Маркса, сформулировавшего грандиозную задачу революционного обновления мира.

В то же время, чтобы найти ключ к реконструируемому теоретическому зданию аутентичного марксизма, совершенно недостаточно ограничиться и воспроизведением представлений самого Маркса, а равно и Энгельса. Хотя бы потому, что далеко не на все вопросы социально-исторической практики они имели возможность предложить исчерпывающие ответы, а нередко считали такого рода попытки нецелесообразными и неоправданными. Собственно говоря, марксисты именно потому и претендовали на то, чтобы развивать марксизм «в частностях», что были уверены: своими теоретическими изысканиями основоположники марксизма не исчерпали методологический потенциал созданного ими учения.

Необходимо учитывать фактор иного порядка: в силу неизбежного для классового общества *идеологического* восприятия Маркса всегда изучали сквозь призму *определенным образом структурированного* учения. Имеется в виду то обстоятельство, что, будучи синтезом существенно различающихся форм общественного сознания - философии, науки и идеологии - марксизм представляет собой *внутренне противоречивую систему теоретического знания*. И весь вопрос заключается, следовательно, в том, *какую именно* сторону (или «часть») марксизма и *в каком отношении* считать приоритетной. Таково важнейшее требование диалектической логики, без соблюдения которого не избежать ошибки. Н.А. Бердяев с присущим ему диалектическим чутьем безошибочно указывает в этой связи на решающий для понимания теоретической *сущности марксизма* критерий - в зависимости от того, какую «сторону» в нем считать *доминирующей* - «объективно-научную» или «субъективно-классовую». «В философии социализма, -

пишет он, - есть две стихии: в одной из них *классовый момент побеждает момент объективный* и на протяжении всей истории одинаково видится правда в восстании неимущих и зло в самом существовании имущих; в другой - *объективный момент сильнее классового и в разные исторические эпохи признаются прогрессивными разные классы и разные ставятся перед ними задачи...* В марксизме смешаны обе стихии социализма». ³ (Курсив мой. - М.К.) Два этих принципиально отличных подхода к изучению истории на уровне социальнофилософского анализа в советский период с полным на то основанием квалифицировали в качестве *деятельностного и формационного*.

Что же касается современных марксистов и марксологов, то в их распоряжении остается неиспользованным для решения рассматриваемой проблемы анализ именно того фундаментального противоречия, в алгоритме которого логика исторического развития марксизма предстает достаточно прозрачной и, разумеется, отнюдь не тупиковой. Речь идет о базисном противоречии между символическими «духом» и «буквой», т.е., называя «составные части» марксизма своими именами, - потенциалом диалектико-материалистической методологии и формулируемыми на этой основе конкретными теоретическими положениями. Упоминания о нем мы находим уже с конца XIX в., в частности, как в трудах Г. В. Плеханова, так и в первых ленинских работах, посвященных критике народничества. К сожалению, наиболее распространенной ошибкой исследователей (причем, не только оппонентов марксизма) выступает стремление «раскодировать» диалектическую (т.е. неоднозначную) сущность многогранного учения с помощью набора формально-логических приемов мышления. В этом случае оценка его теоретической конструкции ограничивается формулой «сочетания несочетаемого», т.е. воспроизводится типичное заблуждение, характерное, в частности, для Бернштейна, не утруждавшего себя поиском истины сквозь призму парадоксальности. Этим обстоятельством в решающей степени сдерживается позитивный

3 Бердяев Н.А. О социализме // Философия неравенства. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. Кн. 2. С. 646-647

по своей сути и направленности процесс очищения от идеологических наслоений, образующих догматическую *differentia specifica* марксистской ортодоксии, и приобщения ко всему многообразию достижений современного обществознания.

Напротив, моделируемый в алгоритме *диалектической* логики концепт основного противоречия марксизма (ОПМ) представляет собой своего рода «генетический код», сфокусированный в трех измерениях. Это последовательная проекция противоречия между практикой социальных преобразований «под знаменем марксизма», с одной стороны, и ее рефлексией в сфере теоретического знания, - с другой, где обнаруживается, в свою очередь, принципиальное расхождение в функциональном предназначении научной теории и политической идеологии, а применительно к собственно методологическим основаниям - существенное различие в природе таких теоретических метамоделей, как *формационная идеальностная* парадигмы.

Только диалектический дискурс критического анализа позволяет воссоздать марксизм во всей полноте представленного в нем теоретического знания и, следовательно, решить также вопрос о легитимности его плюралистического

толкования.

Поливариантность марксизма: закономерность или аномалия развития?

Исходным пунктом решения поставленной проблемы является, как было отмечено выше, диалектическая интерпретация структурно-функциональной целостности марксистского теоретического знания. Вместе с тем, *многозначное* толкование само по себе свойственно любой «знаковой» философской системе и учение Маркса в этом отношении просто не является исключением. Правомерность этого утверждения хорошо иллюстрируется на примерах сократических школ, правого и левого гегельянства и т.д. «В возможности многозначного толкования, - по справедливому замечанию В.А. Глядкова, - нет ничего такого, что преуменьшило бы значение первоисточников. Скорее, наоборот, *многозначность есть свидетельство богатства*

выдвинутых идей и

подходов». ⁴ (Курсив мой. - М.К.)

Однако применительно к марксизму сложность заключается не только в разночтениях, дающих о себе знать в формате философского знания, но и в неоднозначной сущности марксизма, обусловленной спецификой *разных* форм общественного сознания. Используя модный сегодня слоган, это - «три в одном». В «многопорядковой» теоретической системе идеологический, научный и философский компоненты *неравнозначны* и каждый из предшествующих выступает по отношению к последующему (как в «матрешке») в качестве элемента сущности «*более высокого порядка*». Так, если рассматривать социалистический идеал, то вплоть до того момента, пока в лице индустриального пролетариата не была найдена исторически конкретная «движущая сила» его реализации, он оставался абстрактным (т.е., во всяком случае, еще не вполне научным), а, приобретая свои классовые (идеологические) очертания, уже, действительно, не мог быть объектом только научного знания. Превратившись, благодаря открытию материалистического понимания истории, *из утопии в науку*, социализм, таким образом, *одновременно* начинает функционировать и в качестве самостоятельной *идеологической «доктрины»*.

Собственно говоря, весь драматизм исторического развития марксизма и состоит в том, что его последователи вполне осознавали невозможность сохранения приверженности *в равной мере и в одном и том же измерении одновременно* идеологическим постулатам и методологическим принципам. Все они были вынуждены *выбирать*, т.е. «глотать» в этом смысле марксизм «по частям». ⁵ Несмотря на данное, сформулированное Лениным в адрес оппонентов императивное «предупреждение», он сам, а вслед за ним и все ортодоксальные марксисты также не избежали скорбной участи верных учеников, принуждаемых невыносимой силой «эмпирических» обстоятельств препарировать целостную теоретическую

⁴ Глядко В.А. Феномен марксистской философии. М, 2001. С. 145.

⁵ См.: Ленин В.И. Оценка Маркса международным либерализмом // ПСС.Т. 16. С. 470.

систему. Разница лишь в том, что «проглоченная», но не «переваренная» в их «твердокаменных» желудках диалектическая сущность марксизма представала в виде *иллюзии полного совпадения* с взятой на вооружение его идеологической «буквой».

Редуцируя потенциал диалектико-материалистической концепции к ее исторически конкретной (и в силу этого *преходящей*) проекции в идеологии и политике, Ленин, казалось бы, постоянно принимает во внимание, что «весь дух марксизма, вся его *система* требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (b) лишь в связи с другими; (y) лишь в связи с конкретным опытом истории». ⁶ (Курсив мой. - М.К.) Но свойственная ему в классово-политическом измерении ортодоксальность питает лишь то, что Н.А. Бердяев справедливо именуется «экзальтированной революционной волей». Вполне осознанно оставаясь «под знаком ортодоксии», Ленин связывает с ней непреклонную верность *революционной* (политической) сущности марксизма (сущности, так сказать, «первого порядка», если использовать его собственную терминологию), и заведомо снимает с нее на этом основании все могущие возникнуть обвинения в неполноте соответствия эталону научности. Он, таким образом, *подменяет* ею, как и все остальные «ортодоксальные ученики», глубочайшую *диалектическую* суть научной методологии Маркса, ибо только последняя не «позволяет брать что бы то ни было на веру», рассматривает «каждую осуществленную форму в движении», т.е. также и «с ее *преходящей* стороны». «Ортодоксия» же, т.е. *неуклонное следование идеологической и политической «букве» учения Маркса*, на самом деле «отличается *диаметрально противоположными* качествами» совсем в ином, нежели Ленин полагает смысле, поскольку «исключает критическое претворение и дальнейшее развитие» марксизма и «вина» за этот «тяжкий грех» ложится уже «всецело на таких учеников». ⁷ (Курсив мой. - М.К.)

В итоге, даже находя отчасти свое воплощение в ленинских произведениях, диалектика утрачивает свойственное ей

⁶ Ленин В.И. Письмо И.Ф. Арманд, 30 ноября 1916 г. // ПСС. Т 49. С. 329.

⁷ См.: Ленин В.И. Еще к вопросу о теории реализации // ПСС.Т. 4. С. 87.

эпистемологически-уни-

версальное значение. Наделение ее преимущественно *идеологически-инструментальной* функцией ведет к тому, что она нередко фактически подменяется логикой формальной, т.е., по собственному же выражению Ленина, служит веками апробированным «мостиком к софистике». «Однолинейно» мыслящие преемники лишь довели эту противоречащую «духу» марксизма тенденцию его тотальной идеологизации до ее полного (формально-логического) завершения, доказав тем самым, что «всякую истину, если ее сделать «чрезмерной»..., если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд». ⁸ В этой связи, оппонировав Ленину, «эмпириомонист» и создатель тектологии А.А. Богданов (Малиновский) сформулировал весьма примечательное уточнение. По его словам, «марксизм, как идеология прогрессивного класса, неизбежно должен был отвергнуть абсолютное значение за какой бы то ни было системой идей, в том числе и за своей собственной. Он предъявил и к себе самому требование непрерывного развития в соответствии с изменяющимися жизненными отношениями пролетариата. И марксизм идет по этому пути». ⁹

Совсем не удивительно поэтому, что философию марксизма, «вылитую, - по выражению Ленина, - из одного куска стали», ¹⁰ уже в начале XX столетия представители его неортодоксального направления не всегда безошибочно и продуктивно, но в целом безуспешно пытались «соединять» с иными философскими системами. Наиболее последовательно по этому «тернистому» пути продвигались неортодоксальное крыло западного марксизма, а также российские

8 Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // ПСС. Т 41. С. 46.

9 Богданов А.А. Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологий). Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1910. С. 222.

10 См.: Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // ПСС. Т 18. С. 346. Ленинское представление о «философии марксизма, вылитой из одного куска стали», вполне заслуженно подвергается критике, ибо оно не соответствует, строго говоря, ни фактическому процессу ее формирования и его результату (синтез идеалистической диалектики и антропологического материализма), ни - даже в переносном (сугубо технологическом) смысле: прочность стального сплава приобретает, как известно, именно за счет введения в определенной пропорции добавок или присадок.

0

«легальные» марксисты, в частности, Н.А. Бердяев и П.Б. Струве. Отказавшись от марксистской *ортодоксии*, они, по словам Бердяева, не могли «вместиться» и в марксизм; но, творчески перерабатывая многие спорные положения современной им немарксистской философии, внесли, тем не менее, определенный вклад и в сокровищницу марксизма, оставаясь субъективно его «критическими» приверженцами.

Значительную роль в популяризации и обновлении как философских, так и социологических идей Маркса сыграли школы западного марксизма. В отличие от официального (канонизированного) советского «марксизма-ленинизма» марксистская мысль в зарубежных публикациях послеоктябрьского периода не находилась под жестким идеологическим партийным контролем, что, в свою очередь, способствовало формированию конструктивной культуры дискуссии. Но, сохранив импульс к развитию, она приняла преимущественно «академическую» форму даже в теоретических исследованиях марксистов, олицетворявших ортодоксальное направление и примыкавших к нему: Д. Лукача, О. Корню, М. Корнфорта, Дж. Хофмана, А. Грамши и др. Зародившись в пограничной области классического марксизма и фрейдизма, Франкфуртская школа (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, В. Беньямин, Ю. Хабермас) оказала огромное влияние на всю современную социологию. В русле академического марксизма оказались и философские работы Ж.-П. Сартра, пришедшего к марксизму от экзистенциализма, и марксологические исследования структуралиста Л. Альтюссера. Дополняя друг друга и будучи достаточно плодотворными в осмыслении отдельных содержащихся в учении Маркса категорий (прежде всего проблемы отчуждения и свободы личности), сформулированные западными марксистами философские обобщения не могут, однако, претендовать на статус «неомарксистских», каковой им часто приписывают. Дело в том, что если понимать под «неомарксизмом» качественно новый этап в *развитии* классического учения, подтверждением принадлежности к нему может служить лишь сохранение его *органической целостности*, которая в XX столетии

1

была, безусловно, утрачена. Однако этот этап, который можно условно именовать фазой «аналитической фрагментации» марксизма, даже будучи взятым в контексте еще не завершившегося кризисного состояния, отнюдь не является симптомом его разложения и гибели. Он находит вполне рациональное объяснение в качестве *закономерности*, свойственной всякой подлинно научной теории, когда анализ предшествует *новому синтезу*. Учету данного, также определяющего историческую судьбу марксизма фактора его развития до настоящего времени вообще не уделяется никакого внимания, вследствие чего и критика его носит, как правило, *тенденциозный* характер.

Как бы то ни было, не учитывая принципиальной грани между идеологической «системой» («научной» идеологией) и диалектико-материалистическим «методом», невозможно сколько-нибудь вразумительно объяснить, почему марксизм в XX в. неумолимо «терял очки» как идеологическая теория, выражающая интересы *индустриального* пролетариата, но сохранял и даже набирал их в качестве универсальной философской и общенаучной методологии.

Перефразируя известное высказывание Энгельса, характеризующего историческое значение древнегреческой философии, можно сказать, что если многочисленные последователи Маркса, развивая, критикуя и исправляя своего учителя, были, в лучшем случае, правы «в подробностях», то сформулированные основоположниками «краеугольные камни» сохранили истинность учения «в целом» лишь благодаря потенциальной возможности их *диалектической* интерпретации и... вопреки «попечительству» Э. Бернштейна.

Здесь мы и подходим вплотную к вопросу о допустимости разночтений применительно к *классическому* марксизму. Известно, что Маркс категорически отказывался считать себя «марксистом» в тех случаях, когда диагностировал вульгарное понимание в объяснении собственной теоретико-познавательной концепции¹¹. Однако дихотомия «марксист - немарксист», предполагающая использование вполне

11 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т 35. С. 324; Т 37. С. 370

определенного и, следовательно, достаточно жесткого критерия (в виде потенциала диалектико-материалистической методологии), оправдана главным образом с идеологической точки зрения. Проблема же состоит в том, что чьими бы то ни было идеологическими усилиями невозможно воспрепятствовать распространению марксизма как информационно емкого, методологически совершенного и многогранного учения. Отсюда и неизбежность самых разных его толкований.

Но означает ли это, в свою очередь, что возникающие интерпретативные версии марксизма, вследствие их непредсказуемой численности, невозможно сгруппировать и классифицировать? - Отнюдь нет. Число базовых моделей интерпретации марксизма вполне поддается учету и структурированию по формализованному основанию. С этой целью, как было отмечено выше, принимаются во внимание все возможные комбинации в рамках ОПМ.

Вряд ли стоит удивляться тому, что ни К. Марксом, ни Ф. Энгельсом проблема плюрализации марксизма при всей ее значимости не была артикулирована: все большое, как известно, видится на расстоянии. Для ее актуализации потребовались смена исторической эпохи и скандальное вмешательство Э. Бернштейна как официального «душеприказчика» Энгельса. Тем не менее, акцентируя внимание на принципиальном расхождении между научно-теоретическим содержанием марксизма и его идеологическими постулатами, а, в более широком измерении, - и между теорией и практикой, - Бернштейн не был сколько-нибудь оригинальным теоретиком и, тем более, выдающимся «первооткрывателем». Значительно раньше, по крайней мере, еще в 80-е гг. XIX в., на феномен внутренней противоречивости марксизма обратили внимание его неумолимые либеральные критики.

В рассматриваемом контексте весьма симптоматично, что В.И. Ленин, будучи знаковой фигурой ортодоксального марксизма, самонадеянно рассматривавшего себя в качестве *единственного* законного наследника концептуальных идей Маркса, уже не довольствуется противопоставлением выделенных в точке бифуркации

марксизма «ортодоксального» и «ревизионистского» направлений, а пишет о них, как о факторах «истолкования и развития». К этому следует добавить еще один, не менее примечательный штрих. Когда Ленин заявлял о том, что победа марксизма заставляет врагов его переодеваться марксистами, - в этом объяснении можно уловить и намек на *закономерность* развития марксизма, правда, в довольно усеченном формате, т.к. подразумевается идеологическая, т.е. сугубо «подрывная» мотивация.

С высоты достигнутого рубежа социальной практики эта классификация выглядит, тем не менее, явно ограниченной. Более того. В соответствии с концептом ОПМ она должна быть не только дополнена, но и существенно скорректирована. Все дело в том, что политически господствующее на протяжении XX в., но методологически ущербное «ортодоксальное направление» - это разновидность (модификация) более «объемной» *идеологизированной* модели, которая распространяется и на либеральную интерпретативную версию марксизма. В этой связи в нашей литературе (очевидно, для иллюстрации *contradictio in adjecto*) употребляется термин «либеральный марксизм». ¹²

Разумеется, классический либерализм отнюдь не заинтересован в каком бы то ни было *развитии* марксизма. Он даже не предлагает, используя выражение Ленина, марксизм «глотать по частям», но настаивает категорически на том, чтобы отбрасывать его *целиком*. И, таким образом, заведомо ограничивается постановкой задачи односторонне ориентированной, т.е. весьма произвольно (тенденциозно) скроенной критикимарксизма. Но, что касается существа этой критики, - самый интригующий момент состоит в том, что она может быть отчасти экстраполирована только на *абсолютизированную* базисную идеологическую

парадигм

у,

12 См.: Бузгалин А., Колганов А. Нужен ли нам либеральный марксизм? // Вопросы экономики. 2004. № 7. С. 132 - 149.

составляющую с начала XX в. специфику марксистской *«ортодоксии»*. Правомерно, следовательно, утверждать, что «гора» либеральной критики марксизма «родила мышь» - зафиксировала теоретическую несостоятельность *ортодоксального* направления в нем. Что же касается используемых непримиримыми оппонентами способов аргументации, то их «примиряет» в равной мере присущий обоим и отмеченный выше недостаток. Тот факт, что по отношению к объекту опровержения и апологетической «ортодоксии» «крайности сходятся», выражается в отсутствии сколько-нибудь основательного научного подхода или, точнее, ограничении его правилами и рамками формально-логической экспликации.

Движимые «радикально» отличной *идеологической* мотивацией, ортодоксальные последователи Маркса именно

вследствие апологетически тенденциозно принятого ими учения «развитие» его (если иметь в виду наиболее важное «приобретение») фактически редуцировали к обоснованию заведомо ошибочного, раскритикованного в свое время Г. В. Плехановым постулата о «руководящей» и «направляющей» роли в общественном развитии РСДРП(б) (ВКП(б) / КПСС). В соответствии со сталинской иерархически выстроенной конструкцией из трехзвенной диктатуры «диктатура партии» столь же естественна и закономерна, как «диктатура пролетариата» и «диктатура вождя». Демонстрируя завидную софистическую гибкость понятий, Сталин указывает: «Диктатуре пролетариата не противоречит не только руководство («диктатура») партии, но и руководство («диктатура») вождя». Кстати говоря, утверждая, «что диктатура пролетариата *по объему шире и богаче* руководящей роли партии», он игнорирует и важнейший закон формально-логического мышления, ибо, чем шире понятие по объему, тем беднее оно по содержанию.¹³

13 См: Сталин И.В. Партия и рабочий класс в системе диктатуры пролетариата // К вопросам ленинизма / Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952. С. 122 - 141

Вопреки декларируемой приверженности диалектической методологии, ортодоксальные марксисты, формулируя проблему единства «буквы» и «духа», «самоустраиваются» от ее адекватного (диалектического) решения. Усматривая в самом допущении выявленного либерализмом феномена внутренней противоречивости марксизма *признак слабости*, а не источник и движущую силу его развития, большевики парадоксально сближаются в этой оценке с «буржуазными» критиками Маркса. Более того. *«Зряшным» характером отрицания основного противоречия марксизма они усиливают иллюзию его уязвимости и уже непосредственно способствуют его догматизации.* Лишенный внутреннего источника развития, марксизм трансформируется в «официальную догму», а это означает утрату его научного потенциала *в целом* и, в том числе, *обратное превращение социалистического идеала из научного в утопический* вследствие деформации диалектико-материалистической методологии.

Безраздельный монополизм коммунистической партии во всех сферах общественной жизни привел к вполне ожидаемым результатам, подтвердив на практике истинность сформулированного самим Лениным тезиса о том, что «всякая монополия... порождает неизбежно стремление к застою и загниванию». ¹⁴ В свою очередь, критическая заостренность либерализма не только не подрывает эвристический и методологический потенциал «аутентичного» марксизма (из которого также следует вывод об анахронизме положения о «ведущей» роли индустриального пролетариата в современную эпоху перехода к постиндустриальному обществу), но, напротив, доказывает собственную теоретическую беспомощность.

В качестве неадекватной реакции на «ортодоксию» остается и менее распространенное *дуалистическое* направление в истолковании учения Маркса, лавры на которое присваивает себе Э. Бернштейн.

Что же касается *диалектической* интерпретации марксизма, вполне обоснованно *претендующей на его развитие*, то она также

14 Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // ПСС. Т. 27. С. 397.

никогда не исчезала из контекста социального теоретизирования, давая о себе знать в творчестве мыслителей разной мировоззренческой и политической принадлежности. К концу XX в., как было отмечено выше, возможности аналитической «фрагментации» марксизма были исчерпаны, в то время как задача качественного обновления его идеологической составляющей становится наиболее востребованной - программой «неомарксизма».

В истории марксизма можно, таким образом,

в *методологическом* формате выделить три «типовых» варианта решения проблемы его основного противоречия - *идеологизированный* (ортодоксальный, позитивно тенденциозный и - с обратным знаком - негативно тенденциозный, т.е. классический либеральный), *диалектический* и *дуалистический* (неклассический либеральный и ревизионистский).

Бернштейнианская версия основного противоречия марксизма примечательна лишь тем, что «санкционирует» приемы «неортодоксальной» либеральной критики марксистской теории уже от лица ее собственных представителей.

Именно поэтому сложившаяся ситуация в целом явилась синдромом глубокого *идентификационного кризиса* марксизма, «первым звонком» которого и суждено было стать бернштейнианскому ревизионизму. Вместе с тем, обращение к анализу теоретических взглядов Бернштейна имеет отнюдь не только исторический ракурс. Предпринятая им попытка объяснения новой исторической реальности с заявкой на пересмотр учения Маркса поучительна в том отношении, что Бернштейн, подобно своему великому антиподу Г.В.Ф. Гегелю, хотя и бессознательно, сам указывает нам, по выражению Ф. Энгельса, путь, ведущий из конструируемого им синкретически-аморфного лабиринта.

Идентификационный кризис марксизма: истоки и сущность

Если в советский период, исходя из доминирующих идеологических постулатов, проблема кризисного состояния «вечно живого» учения по

понятым причинам выносилась за скобки или, в лучшем случае, рассматривалась в качестве давно и благополучно «закрытой» темы, то в современной отечественной марксистской литературе нередко можно встретить «легковесное» утверждение о том, что кризис этот связан исключительно «с кризисом наших представлений о нем». ¹⁵ На самом деле в «наших представлениях», равно как и во взглядах социал-демократов, принадлежавших к противоположным идейно-политическим течениям, лишь *отражаются* (более или менее адекватно) объективно существующие расхождения между теорией и практикой революционной деятельности и социалистических преобразований.

Обратившись к справочной литературе, мы находим значительно более глубокое понимание данного состояния в качестве процесса вполне закономерного. Кризис, как это следует из содержания дефиниции, является *поворотным пунктом*, резким, крутым *переломом*, тяжелым *переходным* состоянием и т.д. Для целостной, *саморазвивающейся* системы он, следовательно, органичен и неотвратим уже постольку, поскольку без и вне разрешения назревшей конфликтной ситуации невозможен переход от одной качественно определенной фазы развития к другой. Конечно, далеко не во всех случаях выход из кризиса связан с *обновлением* (а не разрушением) системной целостности объекта.

Касаясь вопроса о допустимости самого понятия «кризис марксизма», М.Н. Грецкий в конце 80-х гг. XX в. отмечал, что «на этот счет мнения зарубежных марксистов разделились. Одни категорически отвергали это понятие, другие, следуя нашему примеру, замалчивали, третьи признавали, как правило, с теми или иными оговорками. Так, известный английский историк Э. Хобсбаум предложил говорить не о «кризисе марксизма», а о «кризисе в марксизме», а западноберлинский философ П. Фурт подчеркнул, что речь идет о кризисе «плохо понятого»

¹⁵ См., напр.: Александров Ю. Социал-демократия и социализм. М., 1999. Формулируя этот тезис, Ю. Александров фактически сам его и опровергает, апеллируя «к противоречиям, существующим между марксистской теорией и реальной действительностью». (С. 29, 7)

марксизма.¹⁶ Если обратиться к истории марксизма, то мы там увидим такой случай, когда самые авторитетные марксисты не признавали «кризис марксизма», о котором писала буржуазная печать (в конце 90-х годов XIX в.), и другой случай, когда такой марксист, как Ленин, сам писал о «кризисе марксизма» (в 1910 г.) Отсюда, - если мы не хотим быть большими ленинцами, чем Ленин, - можно, по-видимому, заключить, что ничего «страшного» в употреблении этого выражения нет. Как заявил известный французский марксист Л. Альтюссер, выступая на конференции в Венеции в 1977 г., надо обратить «кризис марксизма» на пользу самому марксизму, осознав тот факт, что кризисная ситуация в любой теории (и не только теории) - предвестник качественного скачка в ее развитии».¹⁷

Солидаризируясь с точкой зрения Л. Альтюссера и справедливо указывая на ущербность отечественной практики «отсечения» все более разраставшейся «неортодоксальной» ветви марксизма, М.Н. Грецкий, однако, не ставил под сомнение легитимность теоретико-методологической позиции *основателя* марксистской ортодоксии. Разумеется, озвучив в «перестроечный» период необходимость перехода в полемике с зарубежными марксистами «от нигилистической критики к конструктивной», он сделал значительный шаг вперед, но для «широкого понимания» кризисных явлений в марксизме этого было явно недостаточно. «Основную слабость теории» Грецкий усматривал именно в ее «плюрализации», т.е. в попытках «философски «обосновывать» самые разные и даже взаимоисключающие конкретно-научные положения и политические действия». По его словам, она «может быть преодолена лишь повышением уровня теоретической строгости марксизма». Однако для решения этой задачи, чтобы устранить «теоретический разнобой при отсутствии достаточно убедительной аргументации», следовало, руководствуясь марксистской же методологией, выявить источник

16 См. «Round Table Discussion. Karl Marx: 100 Years Not Out». - «Marxism Today», 1983, № 3, p. 11; Furth P. Lavoro e dialettica nella filosofia marxista. - In: «Marx e i marxismi cent'anni dopo». Napoli, 1987, p. 136.

17 Грецкий М.Н. Мы и марксисты Запада // Вопросы философии. 1989. № 7. С. 107.

развития марксизма и, соответственно, - методологический вектор корректировки его отдельных теоретических положений. Иначе говоря, - в «теоретическом застое» суметь разглядеть нечто большее, чем «разброс» в «концептуальных построениях», а именно - внутреннюю логику движения самого теоретического знания.

Борьба «за методологическую строгость и действенность марксистской теории», о значимости которых писал М.Н. Грецкий, конечно, всегда была, а сегодня, тем более, остается, по выражению В.И. Ленина, «в самом прямом и точном смысле слова, задачей эпохи для марксистов». Обнаружившийся «серьезнейший *внутренний* кризис марксизма» Ленин совершенно справедливо увидел в «ревизии» его наиболее абстрактных и общих философских основ» и потому «от вопросов, поднятых этим кризисом, нельзя, - по его словам, - отмахнуться. Нет ничего вреднее, беспринципнее, как попытки отделаться от них посредством фразы. Нет ничего важнее, как сплочение *всех* марксистов, сознавших глубину кризиса и необходимость борьбы с ним, для отстаивания теоретических основ марксизма и коренных положений его, искажаемых с самых противоположных сторон путем распространения буржуазного влияния на разных «попутчиков» марксизма». ¹⁸

Проблема заключалась в том, что в условиях новой исторической эпохи на рубеже столетий марксизм неумолимо утрачивал свой прежний не только политический, но также *идеологический* облик. Однако кризис его идентичности в глазах как многочисленных приверженцев, так и немалого числа откровенных недоброжелателей был детерминирован гораздо более глубинными процессами, чем те, на которые обращал внимание Ленин при решении практических задач, вытекающих из анализа социально-экономического развития России начала XX в. Ленинский диагноз кризисного состояния марксистской теории (и, разумеется, убежденность в закономерности завершения его) строились на той посылке, что новый «поворот истории» не вносил *никаких*

18 Ленин В.И. О некоторых особенностях исторического развития марксизма // ПСС. Т 20. С. 88-89.

0

изменений ни в «общее направление экономической (и не только экономической) эволюции России», ни в «основное соотношение между различными классами русского общества». Но даже если (с поправкой на отставание России) с этим утверждением можно было в значительной мере согласиться, то на Западе ситуация уже была иной, а, следовательно, и аргументы, исчерпывавшиеся, главным образом, ссылками на обостряющуюся идеологическую борьбу, явились односторонними, поверхностными, не отвечающими критериям научности. Более того. Фиксируя достигнутую в историческом развитии марксизма точку *бифуркации*, становление ленинизма как наиболее отчетливо выраженной ветви ортодоксального марксизма в этом смысле не препятствовало, а, скорее, напротив, *объективно способствовало* хроническому закреплению кризисных симптомов, которые ошибочно ассоциируются у Ленина с *отходом* от марксистской «ортодоксии».

Утрату сложившегося облика марксизма представители его ортодоксального направления объясняли влиянием ревизионизма и покровительством ему со стороны «переродившихся» оппортунистических лидеров II Интернационала. При этом, однако, ортодоксы если не поверхностно, то весьма избирательно исследовали динамику воздействия на этот процесс объективных тенденций; в то время, как в столь же однозначной трактовке антимарксистов последние ассоциируются с несомненным доказательством научной несостоятельности и «самоликвидации» марксизма.

Идентификационный кризис марксизма был, разумеется, обусловлен в конечном счете изменениями в капиталистическом способе производства, связанными с переходом его на монополистическую стадию развития. Вместе с тем, и «абстрактно-теоретическая» констатация особенностей «объекта» - «империализма, как высшей стадии капитализма», - взятого *без учета метаморфозы субъективного фактора*, еще не выявляет причину кризиса: это важнейшее, определяющее, но не единственное звено в общей аналитической цепи тех превращений, которые претерпевает капитализм к началу XX в. Коренная же причина *теоретических*, а также

идеологических разногласий в социал- демократическом движении определяется тем, что анализ изменений *объекта* (капиталистического общества) не сопровождается у представителей ортодоксального направления *синхронным* учетом адекватного понимания трансформации субъекта(пролетариата). Весьма симптоматично, что в ленинской оценке империализма при всей «объектной» теоретической полноте представленных в ней социально-экономических и политических признаков качественно нового этапа (правомерность выделения которых не оспаривал, кстати, никто из оппонировавших ему марксистов) игнорируется именно тот ряд явлений, который выражает на языке марксистской методологии *диалектическое (конкретное) тождество объекта и субъекта*

**Принцип диалектического тождества объекта и субъекта,
игнорируемый ортодоксами
и не «расшифрованный» ревизионистами**

Ленин фактически (но, разумеется, не на словах) не просто *отступает* от этого философского «*principia*» марксизма, но, весьма эффектно используя незаурядный интеллектуальный ресурс и «убойную» силу идеологической аргументации, убеждает многих (и не только российских) последователей Маркса, в обратном: *при любых изменениях* в капиталистическом обществе положение индустриального пролетариата как «самого передового класса», а, следовательно, и эксклюзивная политически-монополярная роль коммунистической партии как его авангарда (фактически - бессрочного «регента»), остаются *неизменными*.

Конечно, у подобного «одномерного» видения истории были и свои объективные причины, а потому в ленинских заблуждениях можно обнаружить и некоторые «смягчающие вину обстоятельства». К их числу относится прежде всего

тот факт, что пролетаризация населения, которая на Западе если еще и не завершилась, то была близка к этому, оставалась в крестьянской России к началу XX в. еще достаточно «туманной» перспективой.

Поскольку ее отдаленные последствия в виде формирования «среднего» класса не учитываются, а антидиалектический подход Э. Бернштейна в интерпретации этого процесса на Западе вызывает во многом справедливые нарекания и квалифицируется в качестве «ревизионистского», теоретически буржуазия и промышленный пролетариат продолжают рассматриваться в качестве основных классов капиталистического общества без внесения необходимых поправок в усложняющийся характер общественного разделения труда.

Разумеется, и в начале XX в., и на протяжении всей его первой половины индустриальный пролетариат остается социальным авангардом, но наемный труд становится универсальным по сфере своего охвата, а это означает, что уже происходят существенные и необратимые сдвиги в сторону его «интеллектуализации». О первых симптомах этого глобального процесса Маркс и Энгельс писали, как известно, еще в «Манифесте Коммунистической партии», указывая на то, что буржуазия превратила «в своих платных наемных работников» тех, кого они причисляют к категории «среднего сословия» (выделяя в нем различные «слои»), т.е. «врача, юриста, священника, поэта, человека науки» и т.д. Позднее Маркс пишет о том, что в условиях «реального подчинения труда капиталу» все большее число участников производства «относится к категории производительных рабочих, непосредственно эксплуатируемых капиталом и подчиненных его процессу». К ним он причислял и тех, кто «больше работает руками», и тех, кто больше работает «головой», и «управляющего», и «инженера», и «технолога», и «непосредственно рабочего физического труда». И хотя Маркс не именует в своих работах представителей интеллектуального труда «интеллектуальным пролетариатом», термин «пролетариат умственного труда» использует уже Энгельс,¹⁹ а вслед за ним и марксисты второго поколения. Н.А. Бердяев, например, выявляя

19 См.: Энгельс Ф. Приветствие Международному конгрессу студентов-социалистов // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т 22. С. 432.

закономерности типологической смены российской интеллигенции, дает образец блистательного анализа «внутренней экзистенциальной диалектики» процесса формирования российского «интеллигентного пролетариата».

Парадокс состоял, однако, в том, что ни расширение сферы применения наемного труда, ни интенсивное, опережающее развитие индустриального сектора экономики не приводили в западноевропейских странах к ожидаемому революционному «катастрофизму», т.е. обострению социального антагонизма, перерастающему по сформировавшейся схеме в окончательный «крах» капитализма. Более того. Прогрессирующая поляризация общества на буржуазию и рабочий класс, достигнув известного (далеко не абсолютного) предела, обнаружила *реверсивный* характер своего протекания в виде формирующегося т.н. «среднего» класса. Чем дальше продвигался этот процесс, тем очевиднее становилось, что с построением индустриального общества «субъект» революционного действия приобретает иные, чем несколькими десятилетиями ранее, очертания.

Полувековое хроническое отставание России от промышленно развитого Запада, где уже начали складываться предпосылки для перехода к постиндустриальному этапу, в том числе в виде ростков нового класса («когнитариата»), выступает объективным основанием ортодоксальной аберрации. По иронии истории, как отмечает В.Л. Иноземцев, «первая из работ, определившая будущее человечества как постиндустриальную цивилизацию, вышла в Лондоне в том же 1917 г., когда большевики начали свой грандиозный эксперимент». ²⁰

Ленинское отношение к «интеллектуальному пролетариату» нельзя, строго говоря, считать однозначным, хотя в его работах доминируют, безусловно, негативные характеристики. В позитивном плане ее можно уподобить индикатору или «барометру», выражающему многообразие всего спектра общественных настроений. «Интеллигенция,

20 Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 31. (См.: Penty A. Old Worlds for New : A Study of Post-Industrial State. L., 1917, а также : Penty A. Post-Industrialism L., 1922).

- по словам Ленина, - потому и называется интеллигенцией, что *всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее* отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок *во всем обществе*.²¹ (Курсив мой. - М.К.) Но именно постольку, поскольку интеллигенция не является самостоятельным *классом*, она не способна, с его точки зрения, выступить в революционной борьбе *от своего собственного имени*. Как и крестьянство, ее «безрассудно было бы выставлять носителем революционного движения». Более того. И в том случае, когда она действует от имени и в интересах промышленного пролетариата, за пределами марксистской «воинствующей ортодоксии» ей грозит «оппортунистическое» перерождение. Иными словами, Ленин убежден в том, что интеллигенция в качестве «нового среднего сословия» не может претендовать (в отличие от крестьянства) на роль «естественного» и *стратегического* партнера рабочего класса. В самых разных облачениях ей достается в лучшем случае скромная участь быть его весьма ненадежным «попутчиком».²²

21 Ленин В.И. Задачи революционной молодежи // ПСС. Т 7. С. 343.

22 В этой связи следует заметить, что, знакомясь с зарубежной литературой, Ленин формально обращает внимание на изменения в социальной структуре, но не придает им сколько-нибудь весомого или хотя бы самостоятельного значения. «Крайне интересна... и особенно поучительна, - отмечает он в рецензии на книгу К. Каутского «Бернштейн и с.- д. программа», - для нас, русских, глава о «новом среднем сословии». Если бы Бернштейн хотел только сказать, что на место падающих мелких производителей появляется новое среднее сословие - интеллигенция, то он был бы прав, говорит Каутский и указывает, что он уже несколько лет тому назад отметил важность этого явления. Капитализм во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число служащих, предъявляет все больший спрос на интеллигенцию. Эта последняя занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим, по мере того, как капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень. Переходное, неустойчивое, противоречивое положение рассматриваемого общественного слоя отражается в том, что среди него особенно широко распространяются те половинчатые, эклектические воззрения, та мешанина противоположных принципов и точек зрения, то стремление подниматься на словах в преувеличенные области и затушевывать фразами конфликты исторических групп населения, - которые так беспощадно бичевал своими сарказмами Маркс полвека тому назад». (Ленин В.И. РЕЦЕНЗИЯ. Karl Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik // ПСС. Т 4. С. 208 - 209. Подчеркнуто мной. - М.К.) Ленин, таким образом, казалось бы, признает и актуальность тщательного изучения, и «поучительность» учета для России формирующегося «нового среднего сословия», - явления, «важность» которого Каутский, по его словам, «отметил. уже несколько лет тому назад». Однако все внимание он фиксирует лишь на «неустойчивом положении» интеллигенции, которое выражается в присущих ей «эклектических воззрениях». Из ленинского высказывания следует, что этот особый «общественный слой» заполняет в социальной структуре то «место», которое освобождается вследствие разорения «мелких производителей». Представителей «нового среднего сословия», как полагает Ленин, ожидает и столь же безрадостная перспектива, по крайней мере, в плане угрозы понижения их «жизненного уровня». Он не замечает очевидной непоследовательности в своих рассуждениях: ведь если, как он полагает вслед за Каутским, капитализм повсеместно «предъявляет все больший спрос на интеллигенцию», последняя должна

В измеряемой сугубо идеологическим «аршином» явно упрощенной схеме марксистского теоретического анализа Ленин акцентирует внимание на «невыгодном отличии этого общественного слоя от [промышленного. - М.К.] пролетариата», объявляемого *самым передовым* классом с точки зрения судеб человечества. В неправомерности такого отождествления, характерного для всех представителей ортодоксального марксизма и воспроизводимого вплоть до настоящего времени, отразилась историческая ограниченность классового подхода, обозначенного контурами индустриальной эпохи.

Ленин дает, мягко говоря, нелюбезную оценку всем тем представителям демократической интеллигенции, кто не проникся в должной мере «знаковой» для марксистов идеей диктатуры пролетариата (т.е. не превратил ее по примеру большевиков в «Credo»). Указывая на свойственный мировоззрению этой части интеллигенции «оппортунизм» и сетуя на «обилие представителей» ее в рядах самих марксистов и социал-демократов, он по сложившейся традиции причисляет ее к «радикальной». Но радикализм определяется не столько планкой поставленной цели, сколько крайним (т.е. уже нелегитимным) характером используемых для ее достижения *средств*. С этой точки зрения «радикальными» социалистами, помимо большевиков, являлись разве что единомышленники эсера-террориста Б.В. Савинкова. Вопреки устойчивому стереотипу, закрепившемуся в марксистской литературе, радикализм вовсе не типичен, как полагал Ленин, «для приемов мысли, отражающих *мелкобуржуазные* условия существования». Более того. Часто встречающаяся у Ленина и других ортодоксальных марксистов

объективно приобретать «самостоятельный» статус, а не лишаться его, а, значит, и указание на ее «своеобразное положение среди других классов» не исчерпывается ссылкой на «примыкание отчасти к буржуазии, отчасти к наемным рабочим» и уж тем более не сводится в идейно-теоретической области к «мешанине противоположных принципов и точек зрения». Положение «когнитариата», действительно, является и «противоречивым», и «переходным», но совсем не в том смысле, что он обречен раствориться в «исторических группах населения». Уже во второй половине XX в. слой интеллектуальных собственников становится на Западе основной производительной силой общества, хотя продолжает еще, как правило, оставаться в положении «зависимого наемника». В России же примечательно даже не столько появление «нового среднего сословия» как такового, сколько изменения в его социальном составе. Н.А. Бердяев, например, называет разночинную интеллигенцию 60-х гг. XIX в. «интеллигентным пролетариатом», который, по его убеждению, обладает огромным революционным потенциалом. В отличие от него, для Ленина «крайне интересна» только та постановка вопроса, которая так или иначе служит подтверждением сформулированных Марксом идеологических постулатов полувековой давности.

ссылка на деструктивный фактор «мелкобуржуазной стихии» вообще оказывается на поверку теоретически некорректной. По справедливому замечанию С.В. Тютюкина, «неубедительно выглядели и попытки приравнять интеллигенцию к мелкой буржуазии, ибо природа их колебаний и быстрой смены настроений была вовсе не идентичной, да и огульное третирование мелкой буржуазии как олицетворения всех худших качеств человечества и некой социокультурной «недоделанности» было совершенно неоправданным».²³

Исходя из этой теоретически несостоятельной посылки, интеллигенция так и не получила в социологической шкале измерения дооктябрьского (как, впрочем, и советского) периода самостоятельного (классового) статуса, т.е. как бы «автоматически» попадала в разряд «мелкой буржуазии» (а со сменой общественного строя - некой социальной «прослойки»). На деле мелкая буржуазия была, разумеется, представлена не только на Западе, но и в России (как в городе, так и в деревне), однако принадлежность к ней не определяла социального положения ни российского *трудового* крестьянства, ни большей части «демократической» интеллигенции. Ошибка в данном случае кроется в игнорировании Лениным признака *эксплуатации* наемного труда, который является квалифицирующим для мелкой буржуазии ничуть не в меньшей степени, чем для крупной или средней. Подобное «упущение» вытекает, в свою очередь, из вульгарноидеологического понимания природы частной собственности, которая, по выражению Маркса, позиционируется *рядом* своих «бесконечных оттенков» и потому эксплицируется им *отнюдь не однозначно*. Ее характер, по словам Маркса, «изменяется... в зависимости от того, являются ли эти частные лица работниками или неработниками». Указывая на отличие «между обеими этими крайностями», он именует частную собственность работника (ту ее форму что «добыта трудом собственника») «индивидуальной частной собственностью». Социализм же, будучи отрицанием капиталистического способа производства, призван, как известно, по его словам, не упразднить, а «восстанавливать.

23 Тютюкин С.В. *Меньшевизм: Страницы истории*. М., 2002. С. 536.

индивидуальную собственность *на основе достижений* капиталистической эры»²⁴ (Курсив мой. - М.К.)

Если же не учитывать неоднозначности самого понятия собственности и приравнивать российского крестьянина к «мелкому буржуа» только на том основании, что в буржуазном обществе он вынужденно *«становится на почву данных порядков»*, то подобный «критерий» приложим и к интеллигенции, ибо она также *«примыкает некоторыми сторонами своей жизни (и своих идей) к буржуазии»*. Тем не менее, крестьянству «повезло» несколько больше хотя бы потому, что издержки в виде «политической неразвитости и темноты крестьян» являются, с точки зрения Ленина, гораздо менее ощутимыми для социал-демократии по сравнению с плохо предсказуемой и склонной к *оппортунизму* «психологией буржуазного интеллигента».

Отсюда вполне правомерна, как полагает Ленин, и распространенная в социал-демократических кругах постановка вопроса об *«антагонизме»* между пролетариатом и интеллигенцией, а «наличность этого антагонизма (и не в одной только русской социал-демократической партии) не подлежит, - по его словам, - сомнению», ибо налицо факты фракционной борьбы и раскола. В «индивидуалистической» психологии «буржуазного интеллигента», «насквозь пропитанной оппортунизмом», он усматривает главную опасность для обеспечения идейного и организационного единства марксистской партии «нового типа».

Вопиющая теоретическая несуразность тезиса и, разумеется, соответствующей аргументации о наличии «антагонизма» между «старым» и «новым» отрядами работников наемного труда осталась, к сожалению, незамеченной и европейскими социал-демократами, в том числе К. Каутским. Интеллектуальный пролетариат, действительно, не может формироваться и существовать «по образу и подобию» индустриального. Но он потому и не «вписывается» в параметры *равноценного* индустриальному пролетариату участника классовой

24 Маркс К. Капитал // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т 23. С. 770-771.

борьбы за освобождение от гнета капитала, что представляет собой образ *нового*, идущего ему на смену субъекта революционных преобразований.

Если принимать во внимание, что на протяжении второй половины XX в. индустриальный пролетариат развитых стран Запада, вследствие происходящих технологических изменений в капиталистическом способе производства (с которых, собственно, по известному высказыванию Маркса, и начинается всякая *социальная* революция) по *объективным* причинам утрачивал свои лидирующие позиции в социально-экономической и политической сферах общественной жизни, приходится признать, что он переставал быть и «драйвером» классовой борьбы за социальное освобождение.

Что касается положения рабочего класса в стране «победившего социализма», то его роль как «гегемона» в социально-преобразующей практике ограничилась завоеванием политической власти и ее фактической передачей административно-командной системе. Формулируемые на языке партийных программ коренные, как текущие, так и перспективные интересы рабочего класса, полностью исчерпали свое классовое содержание после решения задачи индустриализации страны. Подчеркнуто репрезентативная ссылка на них чем дальше, тем в большей степени носила сугубо ритуальный характер и служила формальным основанием для непрекращающейся борьбы с многочисленными проявлениями «буржуазной» идеологии, идентифицируемой с инакомыслием. Крах «реального социализма» в прокрустовом ложе которого «единственно верное учение» растеряло свой научный потенциал, явился не началом, а *логическим завершением* его кризисного состояния.

Вот почему бороться за «чистоту» пролетарской идеологии, усматривая, как это делали ортодоксальные «доктринеры-идеологи», в *интеллектуальном* пролетариате и выражающих его интересы социал-демократических партиях главную опасность для *пролетариата индустриального*, причем уже тогда, когда в

промышленно развитых странах начался подспудно процесс исторической смены их ведущих «ролей», - было, в лучшем случае, симптомом непростительной близорукости. Реальные же и поистине ужасающие последствия сталинской политики конца 20-х - начала 30-х гг., выразившиеся в навязанной Коминтерну теории «социал-фашизма» и существенно облегчившие Гитлеру приход к власти с последующим развязыванием второй мировой войны, до сих пор не получили должной экспертной оценки. Речь должна идти о том, что всю свою столетнюю историю вплоть до сегодняшнего дня российские коммунисты, отстаивая право на *эксклюзивное* «партийное» существование и не признавая допущенных ошибок и преступлений, с упорством, достойным лучшего применения, как некогда пролетарии на низшей ступени классового сознания, наиболее последовательно, как отмечается в «Манифесте Коммунистической партии», «борются, следовательно, не со своими врагами [в образе гидры «мирового империализма» - М.К.], а с врагами своих врагов» - интеллектуальной элитой, обладающей

потенциалом *творческого инакомыслия*. Принципиальное значение имеет как раз то обстоятельство, на что справедливо обращал внимание упомянутый М.Н. Грецкий в конце 80-х гг. прошлого века, что наибольшую роль в исторической судьбе марксизма сыграла отнюдь не ритуальная борьба с «буржуазной» идеологией. О принципах, как подчеркивал в этой связи Ленин, действительно, не спорят. Ибо *«Contra principia negantem disputari non potest»* (против отрицающего основные положения спорить невозможно).

Как это ни печально, трагическая по своим последствиям и абсурдная по содержанию теоретическая установка ортодоксальных марксистов, обосновывающая, якобы, *закономерный* характер *антагонизма* между основными эксплуатируемыми классами буржуазного общества, в XXI столетии воскресла в новой редакции. Ведущий специалист в области изучения теории постиндустриального общества д.э.н. В.Л. Иноземцев, формулируя тезис о рождении «нового социального противоречия современной эпохи»,

0

объявляет таковым конфликт между субъектами трудовой и творческой деятельности.

Интеллектуальная собственность, действительно, как и доказывает российский ученый, становится все более значимым фактором общественного (в том числе - материального) производства, а ее обладатели, соответственно, - ведущим, передовым классом общества. Вносимые интеллектуализацией труда коррективы позволяют преодолеть бытовавшее на протяжении многих десятилетий, гипертрофированное ортодоксальными марксистами, представление о неизменной авангардной роли *рабочего* класса. Но это «новое понимание сущности классового конфликта», именуемого В.Л. Иноземцевым «*третьим основным направлением постэкономической трансформации*», диагностирует («на чисто психологическом уровне») лишь социальную *неоднородность класса наемных работников*, дифференцируемых на «господствующую» и «отчужденную» группы в соответствии с уровнем образования и характером выполняемой работы. Противоречие здесь, безусловно, содержится, но *антагонизм* и противоречие совсем не одно и то же. Ошибка состоит в том, что вслед за ведущими западными теоретиками Иноземцев отказывается рассматривать противоречия формирующегося постэкономического общества «в том их качестве источника развития, каковыми они представляются в гегелевской диалектике» и потому в своем теоретическом анализе ограничивается их «*замещением* противоречиями *иного* типа и уровня». В итоге он и не видит, согласно собственному признанию, «в механизме развития постэкономического общества реальных средств преодоления возникающего классового конфликта» именно потому, что упорно отказывается вскрывать сущность последнего там, где это действительно имеет место.

Таким образом, при отступлении от диалектико-материалистической методологии грань между марксистской ортодоксией и всякого рода «ревизионизмом» оказывается размытой настолько, что возникает осязаемое сомнение в том, что она вообще существует.

Теоретические взгляды Бернштейна в контексте бифуркационного разлома

Вернемся теперь на столетие назад, к началу XX в., когда в социалистическом движении сложилась, как справедливо отмечают отечественные исследователи,

парадоксальная ситуация. Изменения в капиталистическом обществе, чем дальше, тем в большей степени заставляли лидеров социал-демократии вносить серьезные коррективы в свою политическую линию, выбирая при этом между требованиями идеологии и здравым смыслом. Бифуркационный разлом разделил социал-демократов на два идеологически непримиримых направления - марксистов ортодоксальных и неортодоксальных. Даже не вникая во все нюансы идейнополитических разногласий между обоими течениями, сегодня очевидно, что, объединяясь в полемике с Бернштейном под лозунгом защиты марксистской «*ортодоксии*», ее приверженцы некритически (т.е. апологетически)

понимали *самокритическую* сущность марксизма. Если представители

ортодоксального направления нередко жертвовали здравым смыслом ради соблюдения упрощенно понимаемой ими «чистоты» марксистского учения, то реформисты, руководствуясь сугубо прагматическими соображениями, адаптировали теорию к реальной практике, осуществляя ее *ревизию*, или же совсем отказывались от отдельных ее положений.

Полемика с Бернштейном показала, что ревизионизм в области теории на самом деле есть нечто гораздо большее, чем тривиальный переход на позиции буржуазного объективизма, представлявшийся ортодоксальным марксистам главным критерием в его оценке. Безусловной заслугой Бернштейна является то, что он раньше других марксистских идеологов обратил внимание на те вопросы, которые фиксировали наметившийся разрыв между теорией и практикой социал-демократического движения. «Бернштейн заставил нас думать, будем ему за это благодарны», - заявил К. Каутский на съезде социал-

демократической партии в Штутгарте в 1898 г.²⁵ Ревизионизм, в той форме, какую ему придал Бернштейн, является, таким образом, идеологическим выражением *объективного* по своей сути процесса дифференциации в социал-демократическом движении. Его правомерно поэтому рассматривать как «следствие неизбежной дилеммы, перед которой оказывается массовая политическая партия, исходящая в своих теоретических установках из радикального отрицания существующего общественного строя, но вынужденная вести в его рамках тяжелую и упорную борьбу за частные демократические свободы»²⁶.

Принципиальные расхождения между ревизионистами и ортодоксами уходят своими корнями в философскую основу марксизма - диалектический материализм - и в альтернативной проекции, на первый взгляд, предельно четко просматриваются в их отношении к диалектическому методу познания. Именно в области философского знания рельефно проявились концептуальная непоследовательность *ревизионизма* и легковесность его теоретических аргументов. Решающего в марксизме эти теоретики, следующие по стопам Э. Бернштейна, действительно, «совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики»¹. В то же время, как это ни прискорбно, с диалектической траектории познания свернули и те, кто довел «максимальную гибкость» диалектической рефлексии до логического абсурда, подтвердив ее же непререкаемую истину: крайности сходятся. Диалектика не всегда в явной форме, но неумолимо «вымывалась» из арсенала научно-познавательных концептов и того и другого направления. Лишь в теоретических построениях Бернштейна изначально обнаруживает себя не скрываемый им самим *антидиалектический* пафос.

Выступая на протяжении всей своей жизни против *догматического* толкования учения Маркса и Энгельса и отказываясь от многих его положений как устаревших, Бернштейн не перестает считать себя

25 Protokoll über die Verhandlungen des Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands: Abgehalten zu Stuttgart vom 3. bis 8. Oktober 1898, B., 1898, S. 130

26 Петренко Е. Л. Социалистическая доктрина Эдуарда Бернштейна. М.: Знание, 1990 (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Теория и практика социализма»; № 7). С. 43

3

марксистом, Он не приемлет однозначного противопоставления ревизионизма марксизму в целом, так как «предпосылкой такой оценки является, - по его словам, - представление, что ревизионист обязательно должен быть антимарксистом. Но я не знаю, - пишет он, - ни одного ревизиониста, который подпадал бы под такую классификацию». ² При этом, однако, он дает весьма двусмысленное определение учения Маркса. Марксизм, с его точки зрения, есть теоретический синтез «философии истории, политической экономии капитализма и теории классовой борьбы пролетариата, синтез, *обновленный* последними исследованиями реалий общественного развития. *В своих основных понятиях это учение оказалось опровергнутым. То, что составляет его глубинный смысл и содержание, подтверждено исторической практикой*» ³ (Курсив мой. - М.К.). В заслугу марксизму он ставит то, что в нем соединились в единое целое «социализм как духовно-теоретическая деятельность и ^{27 28 29} социализм как борьба угнетенных масс за свое освобождение» ¹.

Отрицая значимость революционного переворота, совершенного Марксом и Энгельсом в философии, Бернштейн вслед за либеральными критиками усматривает в материалистической диалектике с ее учением о противоречиях как источнике развития лишь непосредственное продолжение идеалистической диалектики Гегеля. Последняя, по его мнению, не один из философских источников марксизма, а *главный источник ошибок и заблуждений* Маркса и Энгельса, «предательский элемент в марксистской доктрине». Марксистская диалектика для Бернштейна - «помеха, стоящая поперек пути всякого последовательного истолкования вещей». Он не ставит перед собой задачу раскрыть внутреннюю логику истории, довольствуясь идеями традиционного эмпиризма, согласно которым все изменения носят количественный характер, не затрагивающий статичной сущности предмета ². Для корректировки социальной теории марксизма, считает

27 Ленин В. И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // ПСС. Т 45. С. 378

28 Bernstein E. Der Revisionismus in der Sozialdemokratie // Ein revisionistisches Sozialismusbild. - Hannover, 1966. - S. 8.

29 Bernstein E. Der Sozialismus einst und jetzt. - Bonn-Bad Godesberg, 1975. - S. 181

он, диалектический метод следует заменить позитивистским, а точнее, спенсеровской формулой дифференциации, специализации социальных структур, которые, по его мнению, более точно описывают панораму истории³.

Осуществляемая им с позиции «философии здравого смысла» критика диалектического метода во многом повторяет адресованные диалектике критические упреки Е. Дюринга в ее абстрактности, схематизме и априоризме. «Но если Дюринг, критикуя диалектику, противопоставлял ей свой абстрактный метафизический метод и свою спекулятивную философскую систему, то Бернштейн в целом отрицает значение философии для развития социалистического учения. Он разводит в разные стороны марксистский социализм и диалектико-материалистический метод, на основании которого он и был создан, а затем выдвигает идею о принципиальном несоответствии диалектики самим исходным ориентирам марксизма».^{30 31 32 33}

Отбрасывая вместе с материалистической диалектикой и марксистский материализм, Бернштейн в порядке исключения оставляет «на плаву» материалистическое понимание истории, вульгарно-метафизически, однако, объясняя его сущность. Формально он становится при этом в оппозицию распространившемуся в социал-демократических кругах к середине 90-х гг.

упрощенному представлению о марксистской теории как доктрине *экономического детерминизма* и о революционной практике, ориентированной исключительно на осуществление в ближайшем будущем социалистической революции в ходе классовой борьбы пролетариата. Наличие в учении Маркса этих двух блоков свидетельствует, по мнению Бернштейна, о присущем ему *дуализме* как следствию не сводимых в единое целое теоретических прогнозов и политических ориентиров³⁴.

30 Ibid. - S. 181-182

31 См.: Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. Спб., 1902. С. 324

32 См.: Там же. С. 331-332

33 Петренко Е.Л. Социалистическая доктрина Эдуарда Бернштейна. С. 17.

34 Марксова теория, писал Бернштейн, стремилась соединить сущность двух основных направлений

При условии игнорирования диалектической взаимосвязи формационной и деятельностно-революционной парадигм, т.е. абсолютизации их относительной самостоятельности в качестве теоретических моделей, подобный вывод, действительно, напрашивается сам собой. И если для ортодоксальных марксистов это единство номинально еще продолжает сохраняться благодаря непререкаемому в их глазах авторитету основоположников, Бернштейн без колебаний жертвует им, считая себя вправе «провозгласить необходимость реформ» сложившихся теоретических и практических марксистских стереотипов³⁵. Небезынтересно в этой связи указать на закономерность, отмеченную К. Каутским: «Когда Бернштейн находит мнения Маркса и Энгельса для себя неподходящими, то вменяет себе в заслугу и усматривает доказательство своей интеллектуальной независимости в том, что отвергает их. Иное дело, когда ему кажется, будто слова Маркса и Энгельса могут быть истолкованы в его пользу: тогда их мнение должно быть допущено без всяких дальнейших объяснений»³⁶.

Диалектический метод незаслуженно списывается в тираж не только Бернштейном, но и, как это ни печально, также некоторыми современными исследователями западной социал-демократии и ленинизма. Негативная оценка диалектики рельефно выражена, в частности, в книге Е.А. Самарской, посвященной анализу теоретической и политической борьбы этих двух основных течений социалистической мысли в начале прошлого столетия. Прослеживая их генезис «на теоретическом уровне», она преследует цель «развернуть не только их

в социализме. «У революционеров она заимствовала понимание освободительной борьбы рабочих как политической классово-борьбы, у социалистов - вникание в экономические и социальные условия эмансипации рабочих. Но соединение еще не было уничтожением противоречий, а скорее компромиссом, ... выдвиганием политически-радикального, социально-революционного элемента перед специфически социалистическим. И какое дальнейшее развитие ни получала позже теория Маркса, в ней навсегда сохранился характер этого компромисса - характер дуализма. В нем мы должны искать объяснение того, что марксизм в очень короткие промежутки времени носил существенно различную физиономию...Здесь речь идет...о различиях, произвольно возникающих без принуждения извне, только как продукт внутреннего противоречия» (Бернштейн Э. Исторический материализм. СПб. 1901. С. 61. - Курсив мой. - М.К.)

35 См.: Бернштейн Э. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. С. 239

36 Каутский К. К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»). Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал, УРСС, 2003. С. 8

различие, но и *сходство*». ³⁷ Однако экстраполяция *единства* остается у нее нереализованной как раз вследствие того, что, отвергая диалектическое мышление с его мнимыми недостатками, она лишает себя возможности объективного анализа сходства и различия основных социалистических направлений в истории XX в. Вслед за Бернштейном, философские знания которого, оставляют, мягко говоря, желать много лучшего, Самарская возлагает на используемый Марксом диалектический метод исследования всю меру ответственности за несбывшиеся предсказания «всеобщего кризиса» капитализма и его гибели. Автор демонстрирует полное единодушие в оценке марксистской диалектики с Э. Бернштейном, который отрицает ее материалистический характер и применительно к области исторических явлений рассматривает не иначе как метод подчинения знания заранее поставленной цели - доказательству гибели капитализма. Что же касается высокомерных, по мнению Е.А. Самарской, «претензий диалектического разума стать выше рассудочности», то они вполне объяснимы и на ее примере: рассудочное сознание в состоянии уловить *парадоксальность* научных истин, но не раскрыть *содержание* диалектического противоречия.

Бернштейн справедливо указывает на то, что исторический материализм вовсе не претендует на объяснение всех социальных и духовных явлений действием одного лишь экономического фактора. Но в идеалистической трактовке материализма как детерминизма каузальная связь отождествляется с исторической необходимостью и потому избежать распространенной вульгаризации марксистского понимания истории (редукции его к «экономическому детерминизму») оказывается возможным, по его мнению, только в случае признания его индетерминистским (!) и «условно-материалистическим», т.е. исходя из *равнозначности* материальных и идеальных детерминант в объяснении исторического процесса. К такому выводу, означаящему отрицание закономерного характера общественного развития (и еще одну фальсификационную версию социальной философии марксизма),

37 Самарская Е.А. Социал-демократия в начале века. М., 1994. С. 3.

якобы? склонялся, как полагает Бернштейн, и Энгельс в последние годы жизни.

В то же время рассматриваемая проблема не была решена и ортодоксальным марксизмом, неустанно подчеркивающим значимость диалектикоматериалистической интерпретации соотношения теории и практики. Будучи философией нового типа, марксизм, по определению Ленина, отличается тем, что «соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет *в самой теории* внутренне и неразрывно»³⁸ (Курсив мой. - М.К.).

Заявляя

о своей приверженности диалектической методологии, Ленин многократно ссылается на ее значение, приводит убедительные иллюстрации применимости ее положений. Однако исторический опыт убедительно доказал, что ленинская концепция *научной* идеологии, несмотря на легитимность самого понятия (в чем выражается несомненная заслуга «вождя мирового пролетариата»), означала, по сути, *отождествление* (в соответствии с принципом *абстрактного* тождества, т.е. без учета момента различия) идеологии и науки под эгидой последней. Иначе говоря, она страдает той же односторонностью (но в ином отношении), что и рассмотренная далее позиция Бернштейна, ведущая к их метафизическому *противопоставлению*.

Опора на факты представляется Бернштейну единственным и безусловным основанием для адекватного ответа на дискуссионный вопрос: как следует понимать сформулированный Марксом вывод о «крушении» капиталистического способа производства? Бернштейн, казалось бы, не сомневается в его «преходящем» характере, но оставляет, тем не менее, *открытым* вопрос о «том, явится ли конец его крушением, следует ли ожидать этого крушения в ближайшее время, и поведет ли оно неизбежно к социализму. На этот вопрос или вопросы

38 Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // ПСС. Т.1. С. 341

социалисты, - по его словам, - дают самые разноречивые ответы». ³⁹ (Курсив мой. - М.К.). Общий кризис (а как следствие - и крах) капитализма, считает Бернштейн, становится все менее вероятным, так как капиталистическая экономика не только не утрачивает свою жизнеспособность, но, напротив, все нагляднее ее демонстрирует. Растет богатство общества, улучшается положение трудящихся, и, следовательно, ни Марксом, ни Энгельсом доказательство «неизбежности краха современного общества» не дано, да оно «и не может быть дано. Развитие совершается *во многих отношениях иначе*, чем оно должно совершаться согласно теории краха капитализма». ⁴⁰ (Курсив мой. - М.К.) Говоря в последней главе первого тома «Капитала» о перспективе обострения противоречий капитализма и его гибели, Маркс, как полагает Бернштейн, имел в виду лишь одну из возможных «тенденций» его развития, которая в виду своей абстрактности является скорее результатом отвлеченного теоретизирования, чем научно (т.е., с его точки зрения, *эмпирически*) констатируемой реальностью. Именно поэтому вся марксистская политическая экономия нуждается в существенных дополнениях и уточнениях.

В своем экономическом анализе Бернштейн не выходит за рамки товарного фетишизма. Наряду с теорией стоимости он отвергает и сформулированный Марксом тезис об абсолютном и относительном обнищании пролетариата. Вполне резонно, казалось бы, Бернштейн утверждает, что он был справедлив в отношении обездоленных европейских рабочих 40-х гг XIX в., но не применим к рабочим конца XIX - начала XX вв., так как за этот период в условиях их жизни произошли кардинальные перемены. В то же время он не связывает улучшение условий жизни трудящихся с ростом стоимости и цены рабочей силы как факторами технического прогресса, усматривая в этом только следствия повышения производительности труда и экономической борьбы пролетариата. Теорию «обнищания» постигла, по мнению Бернштейна, печальная судьба так называемого железного экономического закона

39 Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? - М., 1991. С. 25.

40 Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. С. 282.

заработной платы, который долгие годы «служил лозунгом для современного рабочего движения» и *непререкаемым* «догматом веры». Бернштейну, разумеется, должно было быть хорошо известно, что «научность» данного «закона» была решительно отвергнута Марксом и потому его никак нельзя считать «непререкаемым». Но он, тем не менее, рассматривая его в качестве *гипотезы*, фактически *приравнивает* к высказанным Марксом предположениям «о параллельности развития промышленности и сельского хозяйства, о сужении класса капиталистов, об уничтожении дифференциации труда», причисляя к разряду «теорий, которые считались научно установленными и все оказались ложными, или вернеечастичными истинами».

Понятие «частичная истина» как будто бы свидетельствует о мимолетных «проблесках» диалектического мышления в рассуждениях Бернштейна, но на самом деле это далеко не так, ибо они не выходят за границы формально-логической дедукции. По его утверждению, «частичные истины часто являются *еще более роковыми для научности, нежели полные ошибки*»¹ (Курсив мой. - М.К.). В чем же,⁴¹ спрашивается, состоит их «роковое» предназначение, если перерастая ранг *гипотез* и приобретая статус *относительных* истин, отдельные теоретические положения тем самым принципиально отличаются от «полных ошибок», абсурдность которых «для научности» обнаруживается гораздо раньше и проще? «Роковыми» (или, по определению Т.И. Ойзермана, «содержательными») заблуждениями они становятся, очевидно, лишь в том случае, когда их ошибочно принимают за истины *абсолютные*, т.е. рассматривают вне исторического (пространственновременного) контекста.

Направляя свою критику против *догматизма* ортодоксальных марксистов, Бернштейн оказывается в цепких объятиях субъективно отвергаемого им *скептицизма*, не менее основательно «подрывающего всякое теоретическое мышление». Не удивительно поэтому, что в оценке «научного элемента», содержащегося в утопическом и

41 Там же.

0

марксистском социализме, он усматривает разницу «более в степени, нежели в противоположности миропонимания»¹. Но если социализму «недоступен наиболее характерный элемент строгой научности» вследствие его очевидной классово-идеологической, партийно-политической и устремленной в будущее ориентации, как обстоит дело, на его взгляд, с научностью *социологической* теории, из арсенала которой он «черпает свое обоснование» и в которой нуждается как в «теоретическом путеводителе»?

Бернштейн вполне обоснованно считает «либеральную, консервативную или социалистическую социологию бессмыслицей» и, следовательно, к ней вполне должен быть приложен критерий «научной беспристрастности». Исторический материализм и является, казалось бы, тем «прочным приобретением», которое позволяет аккумулировать растущий объем позитивного социологического знания и ограничивать «произвол в выводе заключений». Но вся беда в том, что марксизм в трактовке Бернштейна наделяется «индетерминизмом» и благодаря двусмысленности формулируемой им научной программы он, что называется, «развязывает» себе руки.

Поскольку целеполагание и деятельность индивида не укладываются в жесткую схему исторической закономерности, эту зависимость нельзя мыслить по типу каузальной связи. Хотя возможность выбора детерминирована существующими общественными отношениями, она не сводима к ним, подчеркивает Бернштейн.⁴²

Анализируя причины и следствия в общественной жизни, наука не в состоянии выявить критерия общезначимости в бесконечно меняющемся потоке множества индивидуальных (т.е. произвольных, случайных) целей. Когда же в общественной практике в ходе классовой борьбы этот критерий выявляется, мы имеем дело уже не с «чистой наукой», а с ее тенденциозной тенью в виде социально-политической *доктрины*. И если Маркс утверждает субъективное, *деятельностное* начало истории в *соответствии* с исторически же развивающейся и познаваемой

42 Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? М., ФО СССР. 1991. С. 34 - 35

необходимостью, то Бернштейн усматривает в допущении такого *диалектического* соответствия ущемление свободы воли и интересов индивида. Отвергая диалектический метод, ему приходится выбирать между «поклонением» объективным законам истории и их субъективным неприятием под предлогом отказа от «экономического детерминизма» (или, что то же самое, «социалистического телеологизма»).

Сконцентрированная в формационной парадигме идея зависимости всех социальных явлений и отношений от экономической структуры постоянно балансировала в теоретической рефлексии западной социал-демократии на грани ее механистической интерпретации. В той или иной мере дань этой характерной для эпохи домонополистического капитализма установки, чреватой позитивистским отождествлением исторических закономерностей с законами естествознания, отдали все лидеры социал-демократии неортодоксального направления. Она была, если воспользоваться ленинской (а еще раньше, энгельсовской) терминологией, одним из проявлений «детской болезни» марксизма, развитию которой, конечно, весьма способствовала мысль о его «самодостаточности», т.е. принципиальн

ой

несовместимости с другими философскими течениями. Бернштейн своей радикальной критикой марксизма, собственно говоря, и пробил в ней первую брешь. Однако понадобились еще долгие годы, чтобы в общественном сознании утвердилось через критическое восприятие учения Маркса представление о том, что оно не является замкнутой (в гегелевском смысле) философской системой.

Не следует, конечно, упускать из виду, что решение проблемы противоречивого взаимодействия базиса и надстройки в духе «экономического детерминизма» выступало и продолжает выступать альтернативой не только их диалектическому толкованию, но и упрощению в виде идеалистической, субъективистской концепции, а также «теории факторов». Вместе с тем, именно опасность сведения марксизма к легкодоступной (как для неподготовленного восприятия

марксизма, так и для легковесной критики его) телеологической (фаталистической) схеме, очень беспокоившая Энгельса в последние годы жизни, актуализировалась на фоне его растущего влияния в начале XX в. В этой связи нужно подчеркнуть, что то внимание, которое в процессе «самокритики» марксизма Энгельс уделил влиянию различных, по его выражению, «идеологических областей, играющих роль в истории», вполне естественно получило определенный резонанс, создавая почву, в том числе, и для их неоправданной абсолютизации в лице Бернштейна. Стремление «ограничить спекулятивные выводы теории» проявляется у него в парадоксальном сочетании отрицания материалистически понимаемой исторической необходимости социализма с утверждением правомерности признания его целью и идеалом общественного развития. Ортодоксальные марксисты, с его точки зрения, занимаются «самообманом», отвергая определяющее значение *нравственности* «как в значительной степени творческой и дееспособной силы» в историческом движении к социализму⁴³.

Исторический материализм, таким образом, не является для Бернштейна, вопреки его заверениям, конструктивным элементом социологического знания. Да и социология, лишенная систематизирующего критерия, не способна обозначить ту единственную, по его словам, истину, которая имеется «в каждой области знания». Расплывчатые, путанные философские рассуждения Бернштейна поэтому вряд ли позволительно квалифицировать как выражение присущей его мышлению «*интеллектуальной честности*» (на которую указывает в своей брошюре Е.Л. Петренко⁴⁴), даже если

43 См.: Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. С. 269.

44 По ее мнению, это «главная черта мышления Бернштейна», хотя «смелость и бескомпромиссность его позиции не снимают, - по ее словам, - столь же несомненно присущих ей недостатков». В их числе все та же непоследовательность и формально-логическая противоречивость философской основы его ревизионизма, в связи с чем «вряд ли можно говорить о концепции Бернштейна как о самостоятельном вкладе в социалистическую мысль... В известной степени антифилософские настроения Бернштейна, - пишет Е.Л. Петренко, - помогают ему: он не привязан ни к каким догмам, быстро реагирует на новые моменты, явления, тенденции в политике и экономике. (В то время как ортодоксальные марксисты в 90-е годы ломали голову над тем, как объяснить, почему вместо ожидаемого всеобщего кризиса капитализма наступил период его стабилизации и прогресса, Бернштейн, взяв на вооружение эти факты, сформулировал основы своей политики реформ.) Но именно в легковесности теоретических аргументов Бернштейна, базирующихся на разрозненных

признавать его «субъективную порядочность, смелость и бескомпромиссность». Спекулируя на сложности марксистского теоретического анализа капитализма с его диалектическими «премудростями», Бернштейн и выстроил в ходе операции *упрощения* свою стратегическую линию его опровержения. Между тем он и не думал отказываться от посылки, что естественные законы капиталистического способа производства должны привести к его *самоустранению*, а лишь «устранил» субъективный (в ортодоксальном марксистском понимании) фактор, придав ему аморфные реформистские, а не сугубо революционные очертания.

Выступления Бернштейна с критикой марксизма произвели во II Интернационале эффект «разорвавшейся бомбы». В дискуссиях, развернувшихся по поводу выдвинутых «возмутителем спокойствия» аргументов о несостоятельности марксистского социалистического учения и его философского и экономического обоснования, приняли участие все ведущие социал-демократические теоретики: М. Адлер, А. Бебель, Д. Благовоев, К. Каутский, А. Лабриола, П. Лафарг, К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, Ю. Мархлевский, Парвус (А. Гельфанд), Г. В. Плеханов и другие. Поскольку ортодоксальные последователи Маркса опирались преимущественно на те положения его политэкономической теории, которые раскрывали механизм действия разрушительных, *центробежных* сил, расшатывающих буржуазный строй и подготавливающих условия для его ниспровержения, они и послужили Бернштейну предлогом для фронтальной ревизии марксизма. Весь фокус неизбежно скандальной на первых порах популярности выдвинутой Бернштейном концепции «демократического социализма» состоял в том, что своим поверхностно-эмпирическим, но пытливым и

эмпирических фактах, и заключается слабость исходных положений его концепции. В известной степени Бернштейн идеализирует действительность, приписывает ей абсолютную истинность непосредственно данного и отрицает различие действительного и сущего. С этих позиций он анализирует всеобщие тенденции развития капитализма, и следствием такого подхода является абсолютизация одного из моментов этого развития, а именно прогрессирующего обобществления производства как главного фактора социалистического переустройства общества» (Петренко Е.Л. Указ. Соч. С. 44).

пристрастным взором он разглядел *феноменологическую* сторону меняющейся социальной реальности, анализу которой марксисты просто не придавали должного значения в ожидании приближающейся исторически неминуемой развязки. Его видение трансформационного процесса позволило ему преодолеть ту поистине роковую грань, которая отождествлялась в представлениях ортодоксальных марксистов об историческом движении к социализму с обязательностью политической революции как его *исходного* пункта и установления диктатуры пролетариата как его революционной *сущности*.

Формально «уравнивая» по значимости материальный и идеальный факторы общественного развития, *приоритетным* (поскольку действительного дуализма сущности, по выражению Маркса, не бывает) он все же склонен считать последний, что, в свою очередь, ведет к эрозии уже не «экономического», а *социального* детерминизма. От либерального, объективистского подхода к решению проблемы реформирования буржуазного общества представления Бернштейна отличаются лишь выраженной в индивидуальном целеполагании и абстрактно понятом классовом интересе морально-правовой императивностью социализма в качестве «*конечной цели*» демократических преобразований. Хотя и в этом, по собственному признанию Бернштейна, он видит «чрезвычайно мало смысла». «Эта цель, - без тени смущения, «открыто» заявляет он, - какова бы она ни была, для меня ничто, а движение - все...»⁴⁵. Знаменитое изречение Бернштейна по форме весьма созвучно известному тезису основоположников марксизма, для которых «коммунизм...не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность», а «действительное *движение*, которое уничтожает теперешнее состояние». Принципиальное различие, однако в том, *как именно* понимается это «движение». Для Маркса и Энгельса (как и для Каутского) «конечная цель» - качественный скачок, *перерыв постепенности* в историческом процессе. Бернштейн же, исходя из тезиса о прогрессирующем обобществлении производства,

45 Международное рабочее движение. Т 2. - М.: Мысль, 1976. С. 309

редуцирует в перспективной проекции качественные изменения социальных связей к изменениям сугубо количественного порядка.⁴⁶

Исходной формой социализации общества, его экономической основой для него является потребительская (в отличие от производственной) кооперация, выражающая идеалы распределительного социализма, фабианские, прудонистские и лассальянские его версии, получившие широкое распространение в буржуазных либеральных политэкономических доктринах в конце XIX в. «Идея о потребительских обществах как зародыше будущего социалистического строя широко использовалась идеологами *немарксистского социализма, абсолютизовавшими роль сферы распределения* как сущностного момента социализма».⁴⁷ (Курсив мой. - М.К.).

«Определение социализма как движения к кооперативному строю», данное Бернштейном, разумеется, вовсе не лишено оснований, если иметь в виду, что Маркс рассматривал кооперативные предприятия как *переходную* форму от капиталистического способа производства к «ассоциированному». Вместе с тем, в «Критике Готской программы» Маркс подчеркивает, что оживлению утопических социалистических иллюзий во многом способствовала именно популяризация идеи *распределения*.

Столь же одностороннюю оценку получает у Бернштейна трактовка демократии, которая не отличается от традиционных представлений классического либерализма. Демократия понимается им как внеисторический, надклассовый феномен, как «состояние общества, в котором ни один класс не пользуется привилегиями» по сравнению с остальным обществом. При этом весьма относительное, противоречивое совпадение либерализма и социализма в стремлении обеспечить действительную свободу личности выдается Бернштейном за их *полное*

46 Сформулированная Каутским идея о вызревании социализма в недрах капитализма внешне очень напоминает бернштейнианскую концепцию «врастания» капитализма в социализм. Сам Каутский, однако, не соглашался с подобным отождествлением, указывая, что речь у него идет не о «врастании», а о создании «предпосылок».

47 Петренко Е.Л. Указ. Соч. С. 32.

(т.е. абстрактное) *тождество*, выражающееся у него в исключительной значимости *формальной* стороны буржуазной демократии. Примечательно, что, преклоняясь перед либеральным идеалом демократического государства «для всех», он полагает, что в своем буржуазном институциональном оформлении оно выполняет роль *конституирующего элемента социализма* и в то же время, подобно рыночным фундаменталистам, отрицает правомерность вмешательства государства в экономическую жизнь общества. Демократический социализм, считает Бернштейн, снимает основной для политической практики социалистического движения вопрос о соотношении борьбы за демократию с борьбой за социализм, провозглашает тождественность демократии и социализма.

Повод для отказа от революционных форм борьбы Бернштейн находит, в том числе, и в происходящих структурных изменениях внутри самого субъективного фактора. Он подвергает заслуженной критике абстрактное марксистское положение о пролетариате как некой единой, нерасчлененной целостности, фиксирует растущую разнородность составляющих его социальных групп. В появлении новых маргинальных слоев усматривает симптом формирования «нового среднего класса капиталистов». В возрастании численности и роли акционерных обществ, превращении трудящихся в держателей акций видит важный фактор децентрализации и демократизации капитала, ведущий к росту благосостояния лиц наемного труда. «Многочисленный средний класс, - прозорливо прогнозирует Бернштейн, - такова единственная альтернатива, которую оставило нам растущее увеличение производства». ⁴⁸ В этом, как и в ряду других явлений меняющейся социальной реальности, ему удалось своевременно обратить внимание на *феноменологическую* сторону, не сумев теоретически адекватно выразить ее сущность.

По всем правилам позитивистского способа мышления Бернштейн противопоставляет новые факты эволюционирующего

48 Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. С. 67.

капиталистического способа производства выявленным Марксом *центробежным тенденциям* в развитии капитализма (хотя анализ капитализма Маркс осуществляет, как известно, с учетом *единства* моментов устойчивости и изменчивости). Однако при этом (и на данное обстоятельство исследователи его идейного наследия не обращают должного внимания ⁴⁹) Бернштейн вступает в противоречие с собственными посылками, возводя фактологический материал в ранг динамических *центростремительных тенденций*. Он как бы «переводит» научную методологию в иную плоскость, в кривом зеркале которой без видимых усилий различимы все преимущества первой и недостатки второй. В противном случае, если бы Бернштейн ограничился только *описанием* новых, неведомых Марксу фактов, он просто выступал бы в другой «весовой» категории и не мог бы претендовать на *тотальную критику и ревизию* его учения. Другое дело, что в силу субъективной предпочтительности (и несомненной идеологической «предвзятости») обобщаемый им в *законах-тенденциях* фактологический массив знания очищается не только от случайных и второстепенных деталей.

Правомерность такого утверждения хорошо видна на примере оценки Бернштейном кризисов капиталистического производства. Будучи свидетелем экономических кризисов 1900, 1907-1908 гг., а перед смертью - великой экономической депрессии), он, разумеется, не мог отрицать этих фактов и, рассуждая последовательно, должен был бы, по крайней мере, *отчасти* согласиться с выводами Маркса. Но «компромисс» такого рода никак не входил в его идейно-теоретические расчеты, поскольку означал бы легитимацию диалектического метода и препятствовал бы опровержению тезиса *о возможной* гибели капитализма, которую он заведомо исключает.

49 Е.Л. Петренко, в частности, отмечает, что его заслуга «состояла в том, что он включил в повестку дня дискуссий о социализме вопросы, решение которых позволяло предвидеть новые тенденции в общественном развитии, социалистическом движении» (Петренко Е.Л. Указ. Соч. С. 3. - Курсив мой. - М.К.).

Кризисы, которые, по Марксу, представляют собой периодически взрывающиеся «мины» замедленного действия, заложенные в природе буржуазного общества, с точки зрения Бернштейна свидетельствуют не о крахе капитализма, а о способности его к *самовоспроизводству*. «Подобные представления о природе кризисов, - пишет Е.Л. Петренко, - возникли у Бернштейна как следствие *идеализации* им реальной ситуации в экономике в период мирного развития капитализма на рубеже XIX - XX веков. Количественные изменения в структуре производства, сфере занятости, распределении доходов он *принял за основные тенденции* новейшего капиталистического развития». ⁵⁰ (Курсив мой. - М.К.)

Петренко в данном случае излишне категорична (или недостаточно конкретна) в своей оценке выводов Бернштейна. Используемый им прием идеализации сам по себе был бы вполне правомерен и продуктивен, если бы реализовал потенциал *диалектического*, а не формально-логического обобщения. Именно с целью нейтрализации односторонне-эмпирического видения объекта в теории, по Марксу, анализируются «чистые» процессы, а законы капиталистического производства функционируют в чистом виде, без затемняющих их нетипичных явлений. В «...действительности же, - писал Маркс, - всегда имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем полнее развит капиталистический способ производства, чем полнее устранены чуждые ему остатки прежних экономических укладов». ⁵¹ Из всей совокупности общественных отношений, представленных в структуре наиболее развитого в то время английского капитализма, Маркс, как известно, выделил только те, что характеризуют его как *идеализированный* тип общества. Таким образом, он создал модель *домонополистического* капитализма. Что же касается Бернштейна, то благодаря используемому им методу формально-логического обобщения, происшедшие в буржуазном обществе за истекшее столетие не только количественные, но и впечатляющие качественные изменения,

50 Петренко Е.Л. Указ. Соч. С. 24.

51 Маркс К. Капитал // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т 25. Ч. I. С. 191-192.

он принял за *единственную* тенденцию его развития, неоправданно наделив этим статусом *одну из основных*. Факты, безусловно, «упрямая» вещь, однако на протяжении XX столетия они свидетельствуют не только в пользу изживания капитализмом присущих ему противоречий, если рассматривать его эволюцию в глобальной проекции (а именно к этому обязывает нас методология марксова анализа исторического процесса). Продолжающаяся поляризация современного мира не оставляет сомнения в том, что в его развитии, в полном соответствии с канонами диалектического мышления, проявляются *одновременно* взаимополагающие и взаимоисключающие тенденции.

Тенденция «притупления» основного противоречия капитализма во «внутренней» динамике наиболее развитых стран имеет, таким образом, своим логическим продолжением его «вынос» и обострение в глобальном континууме на фоне усиливающихся общемировых интеграционных процессов. Весь вопрос поэтому в том, *соотносима ли* данная тенденция в структуре *основного противоречия капитализма* с ее диалектическим отрицанием (и если - да, то какая из *двух* основных тенденций является *доминирующей*) или, как полагает сегодня немалое число «бесстрастных» аналитиков, ее безраздельное господство *уже привело к разрешению* данного противоречия.

При всем своем неприятии диалектического метода Бернштейн вряд ли был настолько наивен, чтобы не осознавать, что выявленная им тенденция *стабилизации* (т.е. момента устойчивости) буржуазного общества в эпоху империализма, как «и все другие законы капитализма, открытые Марксом, точно так же изображают лишь идеал капитализма, но отнюдь не его действительность»⁵². Его убеждение в том, что развитие капиталистической экономики имеет исключительно прогрессивный характер, безусловно, содержит в себе «частичную истину», экстраполируемую, однако, главным образом, на индустриально развитые

52 Ленин В. И. Еще к вопросу о теории реализации // ПСС. Т.4. С.80

0

государства. В то же время он совершенно упускает из виду «интернациональноколониальный» аспект основного противоречия капитализма. В агрессивной колониальной политике культурных народов (в том числе германского империализма), ссылаясь на их «цивилизаторскую роль», он усматривает лишь историческую необходимость⁵³ и отвергает ее определение как реакционной. В статье «Социал-демократия и империализм» (1912 г.) Бернштейн утверждает, что пролетариат каждой страны, получающий «свою долю» общественной прибыли, заинтересован в «разумной экспансии». Он отвергает определение империалистической политики как реакционной и заявляет об анахронизме идей «Коммунистического Манифеста», провозгласившего принцип пролетарского интернационализма.

Бернштейн о «соотношении науки и социализма»

Многочисленные критики Бернштейна, конечно, далеко не всегда и не во всем были объективны, но это обстоятельство само по себе не являлось для него обескураживающим, поскольку вытекало из существа «критического» социализма. Отстаивая право на собственное понимание программы переустройства общества, он признавал и необходимость выработки общей стратегической линии, и столь же неизбежное лишение ее «научной беспристрастности» (т.е. «закономерную» тенденциозность). Социал-демократическая партия, «являясь, - по его словам, - блюстительницей интересов социальных групп, может быть *догматичной и даже нетерпимой*. Решения, направленные на осуществление каких-либо действий, для нее остаются обязательными до тех пор, пока сама она их не отвергнет или не изменит».⁵⁴ (Курсив мой. - М.К.) Иначе говоря, по мысли Бернштейна, если применительно к политической программе социал-демократии ее теоретическое обоснование должно быть политически нейтрально, то программная часть не может не быть идеологически заданной. В этом отношении он был куда большим «реалистом», чем некоторые его современные

53 См.: Bernstein E. Die Kolonialfrage und der Klassenkampf. - Berlin, 1907. - S. 189

54 Bernstein E. Wie ist wissenschaftlicher Sozialismus möglich? - Berlin, 1901. S. 29.

1

биографы, усматривающие в «дуалистическом» сочетании научности и революционности главный «изъян» учения Маркса, объясняемый «пагубным» влиянием «марксистско-гегелевской» диалектики. Увидев, по выражению Е.А. Самарской, «в заимствованной у Гегеля диалектике методологическую основу резких диссонансов в марксизме», Бернштейн, вместе с тем, не только не сумел дать этому факту сколько-нибудь вразумительное объяснение (используя его преимущественно в качестве «козырной карты» в «шулерской», т.е. не по правилам диалектической логики, «игре» с Марксом), но, в довершение своей непоследовательности и уже по отношению к собственной доктрине вышеупомянутый «дуализм» теоретически «узаконил».

Обратив вслед за Бернштейном самое пристальное внимание на «изначальный дуализм мышления Маркса», Е.А. Самарская почему-то совсем упустила из виду бросающийся в глаза и не скрываемый самим Бернштейном (!) «диссонанс», сочетающий у него «волю к социализму с научным познанием». И если

совершив «переворот в социалистическом сознании» и «бросив смелый вызов марксизму», Бернштейн взялся за его «коренной пересмотр», почему же тогда, спрашивается, он так и не сумел избавиться от гнета «тенденциозности» марксизма, объективированного в его основном (то бишь «коренном») противоречии и *лигитимированного* в его же собственных теоретических построениях? Он, как утверждает Самарская, «отметил социалистическую тенденциозность теории стоимости Маркса, а также писал об ограниченности материалистического понимания истории»¹. «Как подлинно глубокий ум, он *понял* их [«марксовских догм и предвзятостей». - М.К.] *неизбежность* для социализма» (Курсив мой. - М.К.). Но тогда, спрашивается, почему сама она, спустя столетие, не прониклась бернштейнианским «прозрением»? Бернштейну, если поверить ей на слово, удалось «разглядеть», что «желая быть строгим ученым, исследователем экономических фактов, он [Маркс. - М.К.] между тем подчинил свое исследование заранее намеченному результату, в «Капитале»,... относительно *обреченности* капитализма». Но разве Бернштейн, в свою очередь, не «подчинил» доказательству противоположного тезиса о *жизнеспособности* капитализма наличный интеллектуальный «ресурс» уже в самом начале ревизионистского этапа своей идейной эволюции и *еще до написания* своих наиболее значимых произведений? Или, быть может, тезис этот с поразительным для творческого озарения постоянством он «вырабатывал» не в соответствии с «*заранее намеченным результатом*», а каждый раз заново?

Вряд ли упрек в революционной «предвзятости» по этому поводу, который имел в виду Бернштейн, можно так просто использовать против Маркса «как строгого ученого». Вопрос опять-таки заключается вовсе не в том, предшествовало ли систематическому изложению концептуального замысла и в том и в другом случае теоретическое *осознание основополагающей идеи*, ответ на который очевиден. Важно то, *каким именно познавательным средствам* были «подчинены» результаты исследований. Вот здесь-то и проявляется вся глубина

1 Самарская Е.А. Указ. Соч. С. 30-31

3

пропасти, отделяющей самодостаточную «рассудочность» от «претензий» диалектического разума, «внерационалистическая направленность» которого и Бернштейну, и его единомышленнику в лице Е.А. Самарской «представляется бесспорной».

Игнорируя диалектическую логику, Бернштейн попадает в сложную ситуацию,

столкнувшись с очевидным противоречием между *научностью* марксистской теории (правда, в его интерпретации лишь декларируемой) и ее социально-преобразующей (революционной) ориентацией, диктующей необходимость идеологического выбора и обуславливающей его заведомую (классовую) односторонность. Но, указывая на нетождественность идеологии и науки, не выявляет присущего им *единства*. Познавательный импульс может, как он полагает, лишь спровоцировать пробуждение интереса к социальной деятельности, однако при этом остается фактором внешнего порядка по отношению к нему («не вступает в тесную связь» с ним). Точно такой же (без взаимного проникновения) является и обратная реакция «идеологического интереса». «Существует ли вообще внутренняя связь между социализмом и наукой»? - формулирует он риторический (для себя) вопрос. Доказательство их *внешней положенности* он усматривает в том, что «усилению практического социализма *не препятствует, как мы видим, распад теории*», прогрессирующий процесс ее «разложения»⁵⁵ (Курсив мой. -М.К.).

Настаивая на полномасштабной оценке «различия, которое существует между научно формулируемыми теориями или доктринами и самой наукой» в общественном сознании, Бернштейн убежден в том, что для последней «не существует никакой руководящей цели, помимо познания». Поскольку же одним из основных условий научного познания является «свободная критика», он предлагает заменить термин «научный социализм» на «критический социализм». Разумеется, все эти новации продиктованы заботой «о сохранении связи между теорией и практикой». «Не прихоть и словесное жонглерство, - уверяет Бернштейн, - а желание упрочить за социалистической теорией возможно высокую степень научности ведет к отказу от названия научный. Речь идет о том, чтобы предотвратить ложное толкование соотношения науки и социализма⁵⁶». Однако его усилия в этом направлении не только не способствуют решению поставленной задачи, но представляют собой

55 Bernstein E. Wie ist wissenschaftlicher Sozialismus möglich? - Berlin, 1901. S. 26.

Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм?. С. 26

56 Там же. С. 38, 39.

значительный шаг назад. Все ему виной его антифилософские настроения. Он не желает, чтобы над ним «властвовала» марксистская философия и потому, становясь, по выражению Энгельса, рабом «худших разновидностей» философских систем, обречен идти по простому, но тупиковому пути. *Проблема соотношения научного и идеологического аспектов социальной теории марксизма решается Бернштейном на основе их абстрактно-метафизического противопоставления.*

Бернштейн всячески подчеркивает, что социализм для него не является «чистой» наукой, а есть набор постулатов, программа, доктрина революционной практики. В то же время под этим предлогом он приходит к выводу, что *социализм как единство теории и практики* не может быть обоснован научно, да он и *не нуждается* в научном обосновании: для формирования собственно социалистической вполне достаточно содержащихся в политической программе морально-правовых установок. Бернштейн фактически отождествляет идеологию с нравственным законом и потому, признавая социальную обусловленность этических воззрений, существенно недооценивает специфику формирования идеологического знания.

Справедливости ради, следует заметить, что природа идеологии остается недостаточно исследованной вплоть до настоящего времени. Проблема в том, что в реализации своей социальной функции идеология обладает всепроникающей способностью. И если рассматривать ее соотношение с научным знанием, то вопрос только в том, каков характер этого воздействия, *опосредуется* ли оно учетом собственно научных критериев либо деформирует и игнорирует их, как это имело место в советский период.

Как бы то ни было, выбирать всегда приходится между «буквой» и «духом», поскольку их несовпадение рано или поздно становится очевидным и даже критическим. Все дело, однако, в том, что пересмотр основополагающих теоретических положений в редакции Бернштейна превратился, по существу, в «зряшное» (по ленинской терминологии) отрицание диалектической, т.е. научной, сущности марксизма. «То

великое, что сделали Маркс и Энгельс, - по убеждению Бернштейна, - они сделали не с помощью диалектики, а помимо нее»⁵⁷. Используя, как точно подметил Б.Ю. Кагарлицкий, «методику бухгалтерского дела» в заурядной складской «ревизии»⁵⁸, Бернштейн пытается столь незатейливым образом нейтрализовать «вредное, - по его убеждению, - влияние диалектики на их социально-политические взгляды»: к марксизму он «относится... как к такому же складу готовой продукции, только идеологической». Подменив *диалектическое* прочтение основного противоречия в учении Маркса констатацией якобы присущего ему «дуализма», он так и не смог «уничтожить» свойственный марксизму «характер этого компромисса».⁵⁹ Он, очевидно, даже не заметил, что отказ от диалектики «автоматически» ведет и к нарушению правил формальной логики, многократно обнаруживающемуся в его рассуждениях.

С точки зрения взятой на вооружение *идеологической* «буквы» классического марксизма Ленин склонен усматривать измену со стороны Каутского уже в «половинчатом», «уклончивом» и «примирительном» характере его опровержения «бернштейниады». Между тем, на основании вышеизложенного, а также содержания опубликованной ранее статьи, посвященной анализу взглядов К. Каутского⁶⁰, вряд ли есть необходимость доказывать, что учет «водораздела» между Бернштейном и Каутским имеет принципиальное значение. Приблизившись, вопреки утверждению ортодоксальных марксистов, в наибольшей степени не к «букве», а именно к «духу» классического

57 Бернштейн Э. Исторический материализм. СПб., 1901. С. 64

58 См.: Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2005. С. 45.

59 Марксова теория, писал Бернштейн, стремилась соединить сущность двух основных направлений в социализме. «У революционеров она заимствовала понимание освободительной борьбы рабочих как политической классовой борьбы, у социалистов - вникание в экономические и социальные условия эмансипации рабочих. Но соединение еще не было уничтожением противоречий, а скорее компромиссом,.. выдвиганием политически-радикального, социально-революционного элемента перед специфически социалистическим. И какое дальнейшее развитие ни получала позже теория Маркса, в ней навсегда сохранился характер этого компромисса - характер дуализма. В нем мы должны искать объяснение того, что марксизм в очень короткие промежутки времени носил существенно различную физиономию... Здесь речь идет...о различиях, произвольно возникающих без принуждения извне, только как продукт внутреннего противоречия» (Там же. С. 61. - Курсив мой. М.К.)

60 См.: Котельников М. Социалистическая перспектива в марксистской концепции К Каутского. ДиС №

марксизма, Каутский в этом отношении намного превзошел не только Бернштейна, но и, как было отмечено выше, некоторых его современных интерпретаторов из числа отечественных исследователей. Более того. С определенными, вполне допустимыми оговорками, именно Каутского правомерно, по мнению автора, рассматривать в качестве знаковой фигуры принципиально иной - *диалектической* - логико-интерпретативной модели. Далеко не случайно, например, что с уходом Каутского из жизни в 1938 г. теоретиками европейской социал-демократии вплоть до сегодняшнего дня воспроизводится понимание «плюрализма» преимущественно в однозначно-упрощенном, позитивистском варианте, столь близком Э. Бернштейну (когда признание за различными теоретическими концепциями права на существование отождествляется с «уравниванием» их методологических потенциалов). Что же касается близости обоих лидеров, то она, если не принимать во внимание их личную дружбу (которая, кстати сказать, не помешала, по словам Каутского, «сведению счетов с Бернштейном» и дающей о себе знать «теоретической вражды») наиболее рельефно проявилась в неприятии антидемократических амбиций Октябрьской революции.

Сегодня очевидно, что Каутский все же недооценивал опасность бернштейнианского ревизионизма, заявляя, что уже в начале XX в. он представлял собой умершее течение. Подводя итоги весьма непродолжительной борьбы с ним, он писал в 1903 г, что «ревизионизм так же мало мог теоретически поколебать марксизм, как и оппортунизм практически. Он положил только конец модному марксизму, но об этом мы не будем проливать слез»⁶¹. К этой мысли он возвращается и в последующие годы, полагая кризис в социал-демократической партии исчерпанным⁶².

61 Каутский К. Очередные проблемы международного социализма. М.: Пг., 1918. С. 20

62 Никогда партия «не была столь сплоченной и единой», - писал Каутский в 1911 г. (Kautsky K. Zum Parteitag. - Neue Zeit, 1912, 30. Jrg., Bd. 2, N 50, S. 881). «Уже в прошлом году [имеется в виду 1910 г. - М.К.], перед Хемницким съездом партии, мы могли констатировать, что раскол на два лагеря, который повлек за собой ревизионизм, становится все более незначительным. Скоро ревизионизм совершенно отойдет в прошлое» (Kautsky K. Nachgedanken zu den nachdenklichen Betrachtungen. - Neue Zeit, 1913, 31. Jrg., Bd. 2, N 41, S. 532)

Впрочем, если Каутскому можно вменить теоретические просчеты и «политическую близорукость», серьезно повлиявшие на усиление научно- *теоретической* эрозии марксизма внутри европейского и международного социал- демократического движения, то ответственность за дальнейшее углубление и *идеологическое* оформление раскола в дооктябрьский и особенно в советский периоды ложится уже целиком на идейную и организационно-политическую линию РСДРП(б), ВКП(б), КПСС.

Что же касается собственно теоретических выводов Бернштейна, пытавшегося противопоставить *видимое* несоответствие новейших тенденций в развитии капитализма выявленной Марксом *логике* исторического процесса, то они, действительно, не могут «теоретически поколебать марксизм», поскольку он находится вне зоны досягаемости эклектики и софистики.